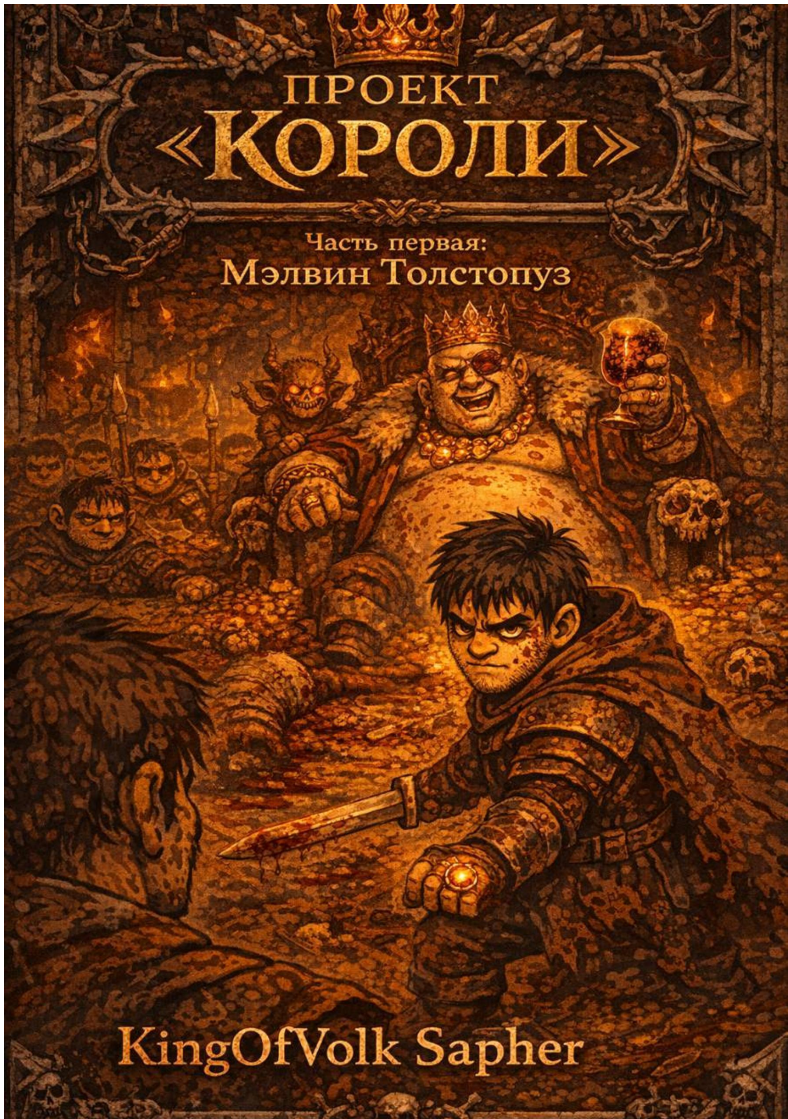

ПРОЕКТ «КОРОЛИ»

Часть первая:
Мэлвин Толстопуз

KingOfVolk Sapher

KingOfWolk Sapher

Проект "Короли".

Часть первая

<https://litres.ru/73473231>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 2055 году обычный парень принимает приглашение в загадочный проект «Короли» и оказывается в смертельной игре, где проигрыш означает настоящую смерть. Участникам обещан один приз на всех — власть, богатство, исполнение любого желания. Но путь к нему только один: убить сто монстров из ста миров... или всех, кто оказался рядом. Под номером 261 герой попадает в разрушенную демоническую Башню и становится Николаусом — новым повелителем руин, которые давно должны были умереть. Однако первая большая война ждёт его на востоке, в землях Мэлвина Толстопуза — бывшего героя, которого грех чревоугодия превратил в чудовище. Первая часть — это история о выживании, превращении и цене власти. О том, как человек, попавший в чужую игру случайно, шаг за шагом сам становится силой, способной разрушать целые миры. Но за падением Мэлвина скрывается лишь первая дверь. Потому что настоящие хозяева этой игры ещё даже не вышли на сцену. Иллюстрации сгенерированы нейросетью ChatGPT.

Содержание

Первая глава	4
Вторая глава	23
Третья глава	45
Четвёртая глава	79
Пятая глава	105
Шестая глава	133
Седьмая глава	155
Конец ознакомительного фрагмента.	173

KingOfWolk Sapher

Проект "Короли".

Часть первая

Первая глава

«Проект "Короли"»

Я не знаю, кто вы. Не знаю, где вы живёте, сколько вам лет и что у вас болит, когда наступает ночь. Но если вы дочитали до этих строк — значит, вам уже поздно просто закрыть страницу и сделать вид, что ничего не было, потому что моя история началась как обычная ночь за компьютером — из тех, что пахнут перегретым пластиком и горьким кофе, — а закончилась... пока что ничем. Только потому, что я всё ещё жив. Хотя иногда мне кажется, что смерть была бы проще. Честнее.

Всё началось летом 2055 года. Тёплый июльский вечер уже перетёк в ночь. Окно в моей комнате было приоткрыто, и из него влезала густая тьма — тяжёлая, тёплая, липкая, как чужая рука на затылке. С улицы доносились редкие машины и тонкий стрёкот насекомых, будто кто-то бесконечно точил иглу о стекло.

Комнату освещал только монитор. Его свет делал всё во-

круг мёртвым: стены — серыми, вещи — плоскими, а меня самого — каким-то выгоревшим, полупрозрачным. Я закончил очередное задание для предприятия, откинулся на стуле и протянул руки, пытаюсь вытянуть усталость из пальцев. Шея хрустнула. В груди что-то неприятно кольнуло: слишком долго сидел, слишком мало жил.

Часы на панели показывали: 02:47.

Мозг просил отдыха — но не сна. Сна я боялся даже тогда, когда ещё не знал, что такое настоящий страх. Хотелось просто переключиться, утонуть в привычном шуме: интерфейсы, окна, игры, любое — лишь бы не слышать тишину.

Я поставил чайник, насыпал в кружку растворимый кофе и вернулся к компьютеру. Старый стул тихо заскрипел, когда я плюхнулся обратно. На автомате рука нашла мышь, курсор пополз к значку Steam.

Щёлк.

Вместо привычного окна загрузки экран стал тёмным — не “чёрным фоном программы”, а именно тёмным, как будто монитор перестал быть монитором и превратился в стекло, за которым стоит ночь.

И из этой тьмы, медленно, будто проявляясь в растворе, проступили слова:

«Добро пожаловать в проект “Короли”!»

Я моргнул. Повернул голову, будто текст мог исчезнуть, если посмотреть на него под другим углом.

— Что за... проект? — выдохнул я вслух.

Следующая строка появилась сразу, как ответ на мысль: «Вы уверены, что хотите участвовать в данном проекте?» Кнопки под ней были простые: «Да» и «Нет».

Я задумался... секунд на пять. Любопытство всегда было моей слабостью. Как у человека, который слишком часто чувствует, что в его жизни ничего не происходит.

— Ну а что? — пробормотал я. — Очередной идиотский бета-тест.

Палец нажал «Да».

И в ту же секунду всё пошло не так.

Экран вспыхнул белым, как вспышка фотокамеры, только в тысячу раз ярче. Свет ударил в глаза так, будто кто-то вогнал в них раскалённые иглы. Я дёрнулся, попытался отвернуться — но свет был везде. Он был не на экране. Он был внутри.

Я закричал.

Крик вышел коротким, сдавленным, как будто горло сжали. Мир провалился. Звук исчез. Даже собственное сердце перестало быть слышно.

А потом меня поглотила темнота.

Я пришёл в себя резко — так, как будто меня включили обратно, не дожидаясь загрузки. Первое, что я почувствовал, — холод.

Не “прохладно в комнате”, не “сквозняк”, а холод, который лез под кожу и трогал кости. Я лежал на гладкой поверхности, и по спине пробежал ледяной озноб, будто кто-то провёл по позвоночнику мокрым пальцем.

Я распахнул глаза. И сразу понял: я не дома.

Надо мной не было потолка. Вокруг — не было стен. Даже горизонта не было.

Была пустота.

Настолько полная, что казалось, будто я оказался внутри гигантской чёрной сферы, где нет ни пола, ни потолка — только непонятное серое свечение под ногами, как туман, подсвеченный снизу.

Я приподнялся на локтях и тут же заметил: на мне только нижнее бельё.

— Что за... — голос сорвался.

Я попытался встать. Ноги дрожали. Кожа покрылась мурашками. В голове билась одна мысль: это сон.

Но сон так не пахнет.

Здесь пахло ничем. Абсолютным ничем. Как стерильная пустота, в которой даже у страха нет запаха.

Внезапно сверху опустилась светящаяся табличка — будто кто-то спустил её с невидимого потолка на тонкой леске.

«Выберите свою одежду: бандит или бизнесмен?»

Под надписью — две кнопки.

Я замер.

“Бандит” звучало так, будто там будет оружие. “Бизнесмен” — так, будто там будет галстук.

Я не был героем. Я был человеком, который просто хотел пережить ночь. И в этот момент мне показалось, что “бизнесмен” — менее опасный выбор. Менее вызывающий.

Я нажал «Бизнесмен».

Над головой что-то скрежетнуло. Люк — откуда? — открылся, и вниз упал аккуратно сложенный костюм: тёмный пиджак, брюки, рубашка, ремень, туфли. Всё новое. Всё идеально. Будто меня готовили не к игре, а к похоронам.

Пока я одевался, руки дрожали так, что пуговицы не хотели попадать в петли. Я всё время оглядывался по сторонам — и только тогда заметил, что вокруг я не один.

На расстоянии метров тридцати начали появляться люди.

Не подходили — именно появлялись, как будто их подгружали в пространство. Каждый стоял на отдельной круглой платформе. Кто-то был в военной форме, кто-то — в броне, кто-то — в балахоне, будто средневековый монах. Были люди в шлемах, люди с масками, люди с голыми руками, испи-санными татуировками.

И у каждого под ногами горел номер — яркий, как раскалённый металл.

Я опустил взгляд.

Подо мной светилось: 261.

— Двести шестьдесят первый... — прошептал я. — Что это значит?

Слова утонули в тишине.

Мы пытались кричать друг другу. Я видел, как один парень махал руками, другой стучал кулаками по невидимой стене. Но расстояние было слишком большим, а воздух... воздух как будто съедал звук.

Минуты тянулись вязко.

Время здесь не ощущалось нормально. Сначала я думал, что прошло пять минут. Потом посмотрел на людей — они всё так же стояли, всё так же метались взглядом. Я почувствовал, как под костюмом липнет холодный пот.

Прошло примерно сорок минут. И тогда пол под платформами с тихим шипением начал расходиться — будто раскрывались лепестки.

Один человек провалился вниз. За ним второй. Третий.

Я шагнул назад — и платформа ушла из-под ног.

Падение длилось секунды три, но в эти секунды я успел понять, что падаю не телом, а сознанием. Как будто меня выдернули из одного сна и швырнули в другой, более глубокий. Меня вынесло в ярко освещённое пространство.

Я ударился коленями о твёрдую поверхность, боль прострелила ноги. Пыль или песок попали в рот. Я закашлялся и поднял голову.

Это было поле.

Огромное, уходящее вдаль, ровное, как арена. По краям — конструкции, похожие на павильоны и арки. Где-то мерцали световые панели. Над нами висело небо — странное, будто нарисованное: без солнца, без звёзд, просто мутный свет, который не давал понять, откуда он идёт.

Вокруг меня была толпа.

Сотни людей. Лица напряжённые, испуганные. Кто-то плакал. Кто-то стоял с открытым ртом. Кто-то пытался говорить — но языки были разные, и слова мешались в шум, от которого начинало болеть в голове.

Я видел мужчину, который кричал на испанском. Девушку, которая шептала по-японски. Парня, который матерился на русском так, как матерятся только люди, уверенные, что сейчас умрут.

И именно тогда произошло то, что я никогда не забуду.

Над нами воздух задрожал. Не как от жары — а как от чего-то живого, большого, приближающегося. Тени начали

сплетаться в силуэт. Сначала — неясно. Потом — всё чётче.

Возникла двуногая фигура, ростом в три человека, закутанная в потрёпанный тёмный плащ с капюшоном. Лицо было скрыто глубокой тенью, но я чувствовал взгляд — холодный, немигающий, изучающий нас, как насекомых под стеклом.

В руках у существа был длинный чёрный посох с узорчатым наконечником. Внутри наконечника пульсировал бледный свет — как медленно бьющееся сердце.

Существо подняло посох, и воздух стал тяжелее, как перед грозой.

И вдруг в голове, без единого звука, раздался голос. Глухой, гулкий, от которого у меня по коже побежали мурашки.

— Добро пожаловать... в проект «Короли».

Он говорил медленно, размеренно — и каждый из нас слышал его так, будто он говорит именно на нашем языке. Без акцента. Без шорохов. Прямо в мозг.

— Вы... на арене, — продолжил он. — У вас есть два пути.

Толпа затихла, словно кто-то выключил шум. Даже плач оборвался.

— Первый — охота. Найдите и уничтожьте сто самых могущественных чудовищ из ста различных миров.

— Второй путь — кровь. Уничтожьте всех участников, пока в живых не останется лишь один.

Меня прошило холодом сильнее, чем раньше.

— Ваши тела... в реальном мире... заморожены в капсулах с жидким азотом. Здесь — их тени. Победите, и мы вернём вас... с наградой. Проиграете — и ваши тела умрут. И вместе с ними — вы.

Существо слегка наклонило голову, будто прислушиваясь к нашим мыслям. В голосе мелькнула едва заметная насмешка:

— Награда победителю — богатство, власть, известность... или то, о чём вы мечтали больше всего в своей жизни. Но помните: выбор пути — ваш. Победитель — один.

Фигура начала растворяться, как дым. И вместе с ней растворялось чувство, что это можно “объяснить логически”.

Она исчезла. А в небе вспыхнула огромная полупрозрачная табличка:

Секунду все стояли неподвижно. А потом кто-то сзади истерично закричал.

И этот крик, как спичка, поджёг толпу.

Паника прорезала людей, как нож. Кто-то бросился бе-

жать. Кто-то схватил соседа за горло. Кто-то вырвал оружие — откуда оно взялось, я даже не успел понять. Словно часть “костюма” была спрятана где-то, и сейчас раскрылась настоящая натура.

Первый удар ножа. Первый короткий хрип. Второй... Третий...

Через минуту земля стала скользкой от крови. Запах металла ударил в нос. Крики перемешались в единый вой. Люди падали, и по ним бежали, не замечая, как ломаются кости.

Цифры на табло начали падать.

Я инстинктивно бросился в сторону ближайших конструкций — туда, где виднелся павильон с арками и мерцающими проёмами, похожими на порталы. Пока бежал, боковым зрением видел:

340... 320... 300...

Как будто кто-то ластиком стирал людей из мира.

Я почти добежал до навеса павильона, когда из-под него вынырнула широкоплечая фигура.

Мужчина лет сорока. Высокий. Уверенный в каждом движении, как человек, который в жизни слишком много раз делал одно и то же — и всегда выживал. На нём была чёрная кожаная куртка с буро-коричневыми пятнами засохшей крови. Лицо закрывала полумаска с металлическими вставками.

В правой руке он держал длинный охотничий нож. С лезвия капала свежая алая капля.

— Дальше тебе нельзя, — хрипло сказал он.

Я резко остановился, воздух разорвал лёгкие.

— Я... я не хочу умирать! — выдохнул я. — Нужно уходить отсюда!

Он наклонил голову и посмотрел на меня так, будто уже решал, где резать.

— Уходить? — усмешка была короткой, злой. — Ты ничего не понял.

Он медленно шагнул ближе.

— Остались только мы трое, — сказал он почти буднично. — Ты, я... и вон та красивая девушка.

Я дернулся и посмотрел на табло.

Там было:

Погибло: 347.

В голове не уложилось. Как можно за несколько минут... триста сорок семь?

— Думаешь, это просто паника? — продолжил он. — Нет. Это я.

Он слегка постучал ножом по собственной ладони, будто мерил ритм.

— Я Клык. И у меня была банда. Пятеро головорезов, которых я нашёл в первые минуты. Мы пошли клином: резали, душили, добивали. Слабых — сразу. Сильных — по очереди.

Он улыбнулся шире.

— Они верили, что я поведу их к победе. И я повёл.

В голосе появилась ледяная честность:

— А потом я избавился от них. Потому что победитель будет один.

У меня пересохло во рту. Я понял: он говорит это не ради угрозы. Он говорит это как правило жизни. Как закон.

— Я Роза, — раздался твёрдый женский голос позади него.

Она вышла из клубов пыли и дыма, держа в руках металлическую трубу — простую, тяжёлую, явно уже побывавшую в бою: на кончике запеклись капли крови. На лице были порезы. Но в глазах не было ни страха, ни дрожи.

Была злость. Собранность. Решение.

— Отойди, Клык, — сказала она спокойно. — Этот парень идёт со мной. Мы выбираем игру, убиваем босса и уходим.

Клык усмехнулся, будто услышал детскую сказку.

— Ты всё ещё веришь в эти обещания? — он кивнул куда-то в сторону порталов. — Мы в мясорубке. Побеждает тот, кто убивает — и не умирает.

— Побеждает тот, кто живёт, — отрезала она.

И шагнула вперёд.

Труба рассекла воздух.

Клык поднял нож молниеносно. Металл со звоном встретился с металлом, искры брызнули в стороны. Он ушёл вбок, пытаясь зайти ей за спину — не как в драке “на эмоциях”, а как в работе. Роза развернулась вовремя и провела трубой

дугу, заставив его отступить.

Я стоял в паре метров, и сердце било так, будто хотело вырваться наружу.

“Если она проиграет — он убьёт нас обоих”.

Клык пошёл в атаку: серия быстрых низких выпадов. Роза отступала, каждый раз отбивая лезвие трубой. Но я видел, как она теряет позицию — шаг за шагом. Дыхание стало тяжёлым. А у Клыка движения оставались чёткими, выверенными.

Он умел драться.

— Беги! — крикнула Роза мне.

Но ноги не двинулись.

Я не хотел быть тем, кто спасается за счёт другого.

Клык резко ушёл влево, сделал ложный выпад — и когда Роза отвела трубу в сторону, он ударил ногой по её опоре, сбил баланс и мощным движением повалил её на землю.

Она упала на спину. Пыль взлетела облаком.

Клык рухнул сверху, вдавив колено ей в грудь, и поднял нож над головой.

В этот миг у меня внутри что-то щёлкнуло.

Я схватил с земли камень — первый попавшийся, тяжёлый — и со всей силы швырнул.

Камень ударил Клыка по запястью.

Нож выпал. По руке сразу пошла кровь. Клык взвыл — громко, зверино, не стесняясь.

Роза перекатилась в сторону и тут же вцепилась в трубу.

Я подбежал, поднял упавшее оружие — и, не рассчитав силы, ударил его торцом трубы в бок.

Раздался глухой звук. Клык согнулся, но удержался. Его глаза — злые, живые — впились в меня.

В них было обещание.

— Бежим! — Роза схватила меня за руку так крепко, что пальцы заболели.

Мы рванули к павильону.

Позади Клык выпрямлялся, зажимая раненую руку. Он не кинулся сразу — он запоминал.

— Я найду тебя, 261-й! — проревел он нам вслед. — Живым ты из игры не уйдёшь!

Портал был ближе, чем казался.

Внутри арки переливался свет — как жидкость, как расколотое стекло. Воздух рядом с ним был другим: холодным и сухим, будто оттуда тянуло не ветром, а другим миром.

Роза шагнула первой, не оборачиваясь.

Я шагнул за ней.

И в последний момент всё-таки оглянулся.

Клык стоял в пятне света павильона, с перекошенной яростью физиономией и улыбкой хищника, который знает: охота только началась.

Я увидел, как он шевельнул губами — будто сказал что-то ещё.

Но я уже провалился в белизну.

Мир исчез.

Когда сознание вернулось, я понял: это не сон. И здесь нет пробуждения, которое спасает.

Вокруг была чёрная, бездонная пустота.

Вторая глава

«Начало»

Сознание возвращалось медленно — как будто кто-то тянул меня из ледяной воды за шиворот, не давая вдохнуть. Сначала была только тьма... а потом в эту тьму врезалось ощущение камня.

Холодного. Тяжёлого. Давящего.

Я попытался пошевелиться — и понял, что не могу расправить плечи. Меня сжимали стены, плотно, как челюсти. Над лицом нависала массивная плита, едва различимая в мраке. В груди ударило сердце, воздух стал коротким, рваным.

Последнее, что я помнил — портал. Белая, жидкая вспышка внутри арки. Роза шагнула первой. Я — за ней. Я даже успел обернуться, увидел перекошенное лицо Клыка и услышал, как он орёт про «261-го»...

А теперь — камень. Запах сырости и старой пыли. И тишина такая, что слышно собственную кровь.

— Роза... — сипло выдохнул я. — Ты... рядом?..

Ответом было только глухое эхо, ударившее в уши и вернувшееся обратно, как насмешка.

Паника подступила мгновенно. Я упёрся ладонями в плиту и толкнул. Раз. Второй. Крышка не сдвинулась ни на миллиметр. Словно меня похоронили заживо.

— Эй! — крикнул я. — Выпустите меня!

Голос сорвался, зазвенел в тесноте, и эта теснота стала ещё ближе, ещё злее. Дышать было тяжело: воздух пах мокрым камнем, чем-то затхлым, будто подземельем, которое не видело солнца веками.

Я попытался взять себя в руки.

«Это игра. Это проект. Это... должно иметь правила».

Но правила — не помогали, когда тебе давит на лицо могола.

И тогда — где-то за стенами — послышался шорох.

Сначала тихий, едва уловимый... потом всё громче. Словно когти по камню. Словно кто-то ходит рядом, прислушивается.

— Гнарл, я нашёл его! — раздался хриплый голос. — Я нашёл гроб с новым владыкой!

У меня внутри всё оборвалось.

«Владыкой?..»

— Тогда чего вы ждёте? — ответил второй голос, низкий, с насмешливым оттенком. — Открывайте. Да возродится зло, которое никогда не дремлет.

Я замер, не веря собственным ушам.

Мгновение — и прямо над головой вспыхнула щель света. Белоснежная полоска прорезала тьму, расширилась, ударила по глазам так, что я инстинктивно зажмурился. Каменная плита скрежетнула и пошла вверх — тяжело, будто её поднимали сразу несколько существ.

Свет обжёг веки. Я моргнул, приучая зрение.

Надо мной стоял маленький, худощавый демон — ростом мне по пояс. Один глаз был пустой тёмной впадиной, второй смотрел слишком внимательно, почти человечески. В руках он держал длинный посох, покрытый рунами — они слегка светились, как угли под пеплом.

Вокруг быстро собрались другие. Моложе, ниже, с острыми ушами, вытянутыми лицами и глазами, горящими в по-

лумраке. Они переговаривались на резком, щёлкающем языке — будто кусали слова зубами.

И вдруг один из них плеснул мне в лицо холодной водой.

Я вздрогнул, закашлялся, резко сел — и только теперь понял: я действительно лежал в каменном гробу. Не метафора. Не чувство. Настоящий гроб, высеченный из цельного камня.

— Я — Гнарл, старший из свиты и преданный слуга тьмы, — произнёс одноглазый демон. Голос сиплый, но уверенный, как у командира. — Дурнота пройдёт. Ваши мысли вновь окрепнут. Вы слишком долго спали.

Я уставился на него.

— Где я... и кто вы такие? — выдавил я.

— Мы — ваша свита, — спокойно ответил Гнарл, будто это самое обычное объяснение. — Мы ждали вашего пробуждения.

Я сглотнул.

— Меня зовут... Николаус, — представился я, чувствуя, как это имя с трудом проходит сквозь сухое горло.

— Рад вас видеть, мой повелитель, — сказал Гнарл и слегка склонил голову. Не как раб — как тот, кто привык служить сильному и уважает порядок. — Пойдёмте. Мне нужно многое показать и рассказать, чтобы вы поняли, в каком мире проснулись.

Я вылез из гроба, ноги на секунду подкосились. Тело казалось чужим: тяжёлым, ватным, как после долгой лихорад-

ки. Я оглянулся на каменную крышку и вдруг поймал себя на мысли: а где Роза? Где портал? Где арена?

— Со мной была девушка... — сказал я быстро. — Рыжая. Роза. Она...

Гнарл едва заметно задержал взгляд — как будто имя кольнуло.

— Здесь не было никого, кроме вас, — ответил он ровно. — Мы нашли только гроб.

Мне стало холоднее, чем в камне.

— Сразу предупреждаю, — сказал я, чтобы хоть как-то удержаться за привычную мораль. — Злодеем я не буду. Крестьян, мирных и невинных трогать не стану.

— Хм... — уголок его пасти дёрнулся. — Лично мне всё равно, повелитель. Моё предназначение — служить вам, пока не умру. Но... — он понизил голос, и в сиплости появилось что-то похожее на усталую горечь, — времена изменились.

Мы пошли по узкому тёмному коридору. Камни вокруг были треснувшие, кое-где виднелись следы копоти. Воздух пах гарью, старой кровью и влажным подземельем. И чем дальше мы шли, тем яснее становилось: это место пережило катастрофу.

— Что именно изменилось? — спросил я.

— Наш прежний хозяин жаждал власти и богатства, — сказал Гнарл. — Он брал дань силой, развязывал войны с деревнями, что отказывались платить. В итоге явился отряд

«Молния» — и положил ему конец. Но перед смертью он проклял их... и с того дня их мечи несут не мир, а погибель.

Слово «проклял» царапнуло внутри. Оно звучало слишком... реальным.

Я хотел спросить «что за отряд», «какой хозяин», «что это за мир», — но Гнарл уже начал говорить так, будто вытаскивал из памяти нож и медленно проворачивал его.

***** *Рассказ Гнарла о великом походе* *****

— Это случилось шесть лет назад... — начал он. — Я помню тот день, как помню собственное имя. И, поверьте, забыть его невозможно.

Небо было затянуто серыми тучами, воздух пах грозой и кровью. Мой повелитель собирался выйти к людям, чтобы в очередной раз собрать дань «за защиту» их земель. Но едва мы открыли ворота башни, земля под ногами задрожала.

На горизонте показались семь фигур.

Они шли медленно, но каждый шаг отдавался ударом в сердце. Семь героев. Семеро, кто осмелился бросить вызов тьме. Семь разных судеб — одна цель.

Впереди шёл невысокий, но широкоплечий гном в тяжёлых латах. Его глаза горели ненавистью, а в руках он сжимал топор, лезвие которого было украшено гравировкой молнии.

Рядом шагал высокий эльф в длинном зелёном плаще. посох в его руке источал мягкое сияние — красивое, но опасное, как лезвие под шёлком.

За их спинами шли двое людей: один — в бело-золотых

доспехах, от которых исходил святой свет; второй — в чёрной броне, и его меч будто горел изнутри.

Чуть в стороне держались ещё трое: упитанный человек с походной сумкой, от которой тянуло жареным мясом; женщина с длинными чёрными волосами и глазами, полными яда; и мрачный воин — как сама ночь, с лицом, искажённым гневом.

— Добрый день, повелитель! — громко сказал гном, остановившись перед воротами. — Мы — отряд «Молния». Ты не помнишь нас, но мы запомнили тебя. Ты уничтожил наши семьи, друзей, мечты. Ты перешёл дорогу всем расам. И

сегодня мы положим конец твоей власти.

Мой повелитель только ухмыльнулся. Без слов поднял руку — и на них обрушилась первая волна наших слуг.

Схватка была яростной. Эльф, которого гном назвал Обероном, поднял посох и заговорил на древнем певучем языке. Земля за его спиной вспучилась, и из-под неё вырвались чудовища леса: кабаны с костяными шлемами, огромные волки, птицы с металлическими клювами.

Они врезались в наши ряды, сметая и давя числом.

Но повелитель не уступал. Он оживлял мёртвых, насылал тьму, гасил свет паладина. Дважды мы отбили натиск «Молнии». Я помню, как он даже смеялся в разгар боя.

Рядом с ним стоял шут Виктор — тот, кто умел разрядить обстановку даже в аду.

— Если в лесу падает дерево, — пошутил Виктор, — значит, скоро придётся выслушать три истории: твою, мою и этого дерева.

Повелитель улыбнулся.

Он ещё не знал, что именно этот шут станет причиной его падения.

Виктор был братом рыцаря с огненным мечом. Его украли когда-то, сделали шутком — и он ждал момента отомстить. Гном Голдо знал об этом и ждал сигнала.

Когда ворота башни начали крепнуть под ударами осады, Виктор, подмигнув, открыл их изнутри.

Я заметил предательство и бросился в погоню — но было поздно. Он уже стоял рядом с братом, а тот держал меч наготове.

— Ты заплатишь за это! — выкрикнул я и выпустил дров-

нее ядовитое заклинание.

Рыцарь вскрикнул, прикрыв лицо. А когда отнял руку — из его глазницы текла кровь.

— Чёрт... — зарычал он. И чтобы снять боль, разорвал тушу единорога, жадно пожирая внутренности, будто хотел заглушить яд мясом и яростью. — Зови меня Одноглазым... и помни, демон: я приду за тобой!

Бой продолжался ещё два дня.

В конце концов слуги повелителя были уничтожены, а сам он стоял на троне, когда семеро ворвались в зал.

— Я — Голдо, — сказал гном. — Это Мэлвин, Оберон, Вильям, Одноглазый, Кан и его жена Юлия. Мы пришли убить тебя и положить конец твоему злу.

Повелитель расхохотался.

— Если убьёте меня, вы проклянёте себя и этот мир. Вы примете на себя семь смертных грехов... и уничтожите то, что клялись защитить.

Некоторые колебались.

Кан нахмурился:

— Может... он прав.

— Нет! — Голдо поднял топор. — Ты умрёшь здесь и сейчас!

Лезвие обрушилось.

Повелитель пал.

Но, умирая, он произнёс древнее заклинание, и каждый из них ощутил, как в сердце вгрызается новый порок:

Вильям — похоть.

Мэлвин — чревоугодие.

Оберон — праздность.

Одноглазый — гордыню.

Юлия — зависть.

Кан — гнев.

Голдо — алчность.

...И Голдо, движимый новым жадным разумом, первым делом забрал Камень Воскрешения в свою сокровищницу, чтобы смерть никогда не настигла его.

***** *Завершение рассказа Гнарла о великом походе* *****

Гнарл замолчал на секунду, будто снова услышал тот треск горящего камня.

— Вот так, — закончил он, глядя мне прямо в глаза. — Вот почему ваши доспехи ржавые, а оружие дряхлое. И вот почему я верю, что только вы сможете всё вернуть назад.

Я молча выдохнул.

— Понял, — сказал я наконец и выбрался из пустоты воспоминаний, в которые он меня втянул. — Дай мне доспехи и оружие.

Молодые демоны зашуршали по углам, вытаскивая из груды хлама ржавые пластины и дряхлый топор. Всё выглядело так, будто это лежало в воде годы, а потом ещё столько же — в пепле.

— Это что за издевательство? — вырвалось у меня. — Где нормальное снаряжение?

Гнарл не обиделся. Он будто ожидал.

— У меня есть одна хорошая и две плохие новости, — произнёс он невозмутимо. — Хорошая: мы нашли вас, и вы сможете восстановить нашу башню. Плохие... башня разграблена и разрушена. А «Сердце Башни» — источник телепортации — утеряно.

Мы шли дальше.

Коридор вывел нас к круглой зале. В центре вращались огромные каменные глыбы, будто кто-то держал их на невидимых цепях. По периметру стояли странные гнёзда — разных цветов, разных форм. Лишь одно было занято: жёлтое, похожее на черепаший панцирь.

— Остальные пустуют, — заметил я.

— Зелёные — ядовитые «вонючки» — скрылись в эльфийских лесах, — ответил Гнарл. — Синие ушли в водные пещеры у «Небесной обители». Красные попали в плен к одному из героев «Молнии». Мы их вернём. Но сперва...

Я остановился.

Голова гудела от новых слов: «Сердце Башни», «камень», «Король Ада», «грехи».

— Что за «Камень Воскрешения»... и кто такой «Король Ада»? — спросил я.

Гнарл посмотрел на меня так, будто взвешивал: готов ли я услышать это.

И снова заговорил — медленно, тяжело.

***** *Рассказ Гнарла о Камне Воскрешения и Короле Ада***

— Камень Воскрешения... — сказал он. — Это не просто артефакт. Это — кость, выломанная из самой смерти. Его нельзя подделать. Нельзя уничтожить. Он работает только один раз... но этого раза достаточно, чтобы изменить весь мир.

Прошлый повелитель получил его не от магов и не от древних драконов. А от самого Короля Ада.

Это было много лет назад.

Повелитель, как всегда, собирал дань. Он вошёл в очередное поселение, уже готовый к привычной сцене: страх, покорность, мешки с золотом у его ног...

Но на этот раз всё было иначе.

У центрального колодца стоял высокий, странно красивый мужчина. Чужак. Его глаза были холодными, как лёд, а губы тронула тонкая, почти издевательская улыбка.

Он не отвёл взгляда, даже когда Повелитель подошёл вплотную.

— Почему ты смотришь на меня так, будто я чудовище? — спросил Повелитель.

— Потому что ты им и являешься, — спокойно ответил незнакомец. — Но это не важно. Я пришёл не судить тебя... а предложить новую сделку.

Повелитель усмехнулся:

— Сделку? У меня и так есть всё, чего я хочу.

— Даже смерть? — тихо спросил мужчина.

Повелитель нахмурился.

— Смерть нельзя победить. А всё остальное — можно.

Незнакомец вынул из-под плаща чёрный камень. Внутри него медленно вращался туман, похожий на человеческие силуэты.

— Можно, — сказал он. — Это Камень Воскрешения. Он вернёт к жизни любого. Но только раз.

Повелитель уже понимал опасность — и всё равно хотел взять.

— И что ты хочешь взамен?

Глаза незнакомца сверкнули.

— Найди мне двоих. Женщину с рыжими волосами и фигурой, которую невозможно забыть... и мальчишку, что дрожит даже перед собственной тенью.

— Ты описал сотни людей, — недоверчиво заметил Повелитель. — Дай имена.

— Её зовут Роза, — сказал незнакомец. — А его зовут...
261.

Повелитель прищурился.

— Странное имя для человека.

— Не твоё дело, — резко отрезал тот. — Это метка. Номер. Найди их. И убей.

Повелитель сжал камень взглядом, будто боялся, что тот исчезнет.

— И кто ты, чтобы давать мне приказы?

Незнакомец произнёс, лениво и холодно:

— Я — Клык. Король Ада. Я пришёл в твой мир только ради их смерти. Выполни задание — и я исчезну. Откажешь-

ся или умрёшь — и семь смертных грехов станут твоей вечной цепью.

Жажда бессмертия и страх перед грехами сделали своё дело.

Повелитель протянул руку.

— Я принимаю.

Клык улыбнулся, передал камень и, растворяясь в чёрном дыме, сказал:

— Тогда ступай... и пусть твои руки будут в их крови.

После этого Повелитель начал долгие поиски. Он обыскивал деревни, допрашивал пленников, отправлял шпионов в города. Но годы шли, а Роза и «261» так и не попадались.

А потом пришёл день, когда «Молния» ворвалась в башню. Повелителя отправили в ад, но проклятье осталось... и Клык — остался тоже.

***** *Завершение рассказа Гнарла о Камне Воскрешения и Короле Ада* *****

Гнарл стиснул посох так, что побелели костяшки.

— Я не знаю, где он сейчас. Но если он ищет их... значит, он ищет и вас. Потому что я уверен: вы и есть тот самый... 261.

У меня пересохло во рту.

Слишком много совпадений. Слишком точное имя. Слишком знакомая угроза.

Мы пошли дальше.

Коридор вывел нас в разрушенный тронный зал. Камен-

ные своды обрушены. Три огромных прохода завалены глыбами.

— Там, наверху, были ваши покои, — пояснил Гнарл, указывая на первый завал. — Второй путь вёл в кузницу. Третий — на арену, где можно тренироваться на копьях убитых врагов.

Слово «арена» зацепилось в голове — не той ареной, где мы резали друг друга у порталов... но всё равно — арена.

— А портал в земли людей? — спросил я.

— Был здесь, в центре, — Гнарл ударил посохом по полу. — Но без «Сердца Башни» он мёртв.

— Как вы его потеряли?

И тогда Гнарл сказал это так, как говорят клятву:

— Я расскажу.

***** *Рассказ Гнарла о потере Сердца Башни* *****

Башня горела.

Пламя рвалось по трещинам каменных стен, пол обваливался, крыша рушилась, обнажая чёрное, как уголь, небо. Запах горелого дерева и крови впивался в лёгкие. Крики умирающих слуг глухо отдавались в ушах.

Я пробирался по боковым коридорам, держась в тени, пока «Молния» шарилась по этажам. Их шаги гремели по камню, звон металла выдавал каждое движение. Я слышал Голдо — он отдавал приказы, как опытный командир:

— Разделиться! Забрать всё ценное! Особое внимание — на магические артефакты!

Но самые страшные слова были не его.

— Мы ищем Сердце Башни, — холодно сказал Одноглазый своему напарнику. — Без него это место труп. А с ним... я смогу разорвать любой город за миг.

Я знал, что артефакт в скрытой нише тронного зала. Я ускорил шаг.

Влетел в зал, отодвинул глыбу, за которой был спрятан артефакт, и схватил Сердце Башни.

Оно пульсировало в руках, излучая мягкий, тяжёлый свет — будто живое.

Но тут же из пролома в стене ввалился Одноглазый.

— Ну, здравствуй, демон, — оскалился он. — Я ждал этой встречи.

Он рванулся вперёд так быстро, что я едва успел блокировать удар. Клинок срезал мне часть шлема... а потом — пронзил лицо, вырывая глаз.

Боль взорвалась в черепе.

Мир окрасился в багрово-чёрные тона.

— Не убью быстро, — прошипел он. — Хочу, чтобы ты страдал.

В этот момент подошёл Мэлвин Толстопуз.

Тяжело сопя, он выхватил артефакт прямо у меня из рук и заржал, как ребёнок, который нашёл чужую игрушку.

— Моё! Теперь моё! Отнесу в Спелые Холмы — пусть пылится у меня в кладовой!

Я выдохнул сквозь зубы и, зажимая кровоточащую пустую глазницу, сотворил взрывное заклинание. Колонны треснули. Потолок обрушился, погребая часть зала.

В грохоте и пыли Мэлвин скрылся, прижимая Сердце к груди.

Одноглазый остался жив. Его силуэт мелькнул среди огня. Он отступил, но крикнул:

— Это не конец, Гнарл! Запад от Кутёжа — вот где ты меня найдёшь. Если доживёшь!

И тогда я заметил ещё одну фигуру — Виктора, бывшего шута нашего Повелителя. Он стоял рядом с Мэлвином и что-то нашёптывал ему. Позже я узнал: этот предатель стал его правой рукой.

С тех пор я клянусь: верну Сердце Башни, уничтожу Мэлвина... а Одноглазого заставлю пожалеть, что он вообще появился на свет.

***** *Завершение рассказа Гнарла о потере Сердца Башни* *****

Гнарл закончил, сделал глоток из фляги и указал на затопленную нишу в конце зала.

— Это место для телепортации. Когда вернём Сердце Башни — оно снова заработает. Я знаю, где искать: в землях Мэлвина Толстопуза.

Я подошёл к воде.

На поверхности отразился я сам — в ржавых доспехах, с топором в руке. И на мгновение мне показалось, что рядом с отражением, где-то на уровне груди, мерцает знакомая мысль-метка: 261. Не надпись — ощущение, будто цифра вбита в судьбу.

— Готовы, повелитель? — спросил Гнарл.

Я глубоко вдохнул.

И шагнул в холодную гладь.

Мир вокруг исчез.

Третья глава

«Сердце Башни»

Свет ударил в глаза так резко, что я зашипел и вскинул руку, будто мог оттолкнуть его ладонью. В голове звенело, будто меня выдернули из темноты за волосы и бросили прямо под прожектор. Я моргнул — раз, второй — и белизна наконец отпустила.

Передо мной открылся новый мир.

Не мрак башни. Не холодные коридоры, не копоть на камне и не запах старой крови.

Здесь было... лето.

Солнце лилось с неба ровным золотом, мягко касаясь зелёных холмов. Трава волнами ходила по лугу, как вода. Птицы перекликались в кронах, и этот звук — живой, настоящий — ударил по мне сильнее, чем любой клинок. На дальнем склоне паслись овцы: белые точки на изумрудном полотне.

Сердце сжалось так болезненно, что на мгновение я действительно поверил: всё закончилось. Что я снова дома. В парке, где можно просто сидеть и слушать ветер.

Но это чувство прожило ровно столько, сколько нужно, чтобы его раздавили.

— Повелитель... — прохрипел Гнарл рядом, и его голос был как ржавый крюк, вцепившийся в иллюзию. — Это не сон. Мы в мире людей. Здесь ходят дозоры одного из «Молнии». Если нас заметят — нам конец.

Он сплюнул в траву, будто сама зелень была ему противна.

— Но сперва... идём. Я покажу вам, как приумножить армию.

Слово армия прозвучало слишком легко. Я хотел спросить про Розу, про портал, про то, почему мир вокруг настолько мирный, будто не знает смерти. Хотел — и не успел. Гнарл уже шагал вниз по склону, а за ним шуршала наша демоническая мелочь — тени на солнце, чужие на этом лугу.

Мы спустились ближе к стаду. Овцы лениво жевали траву и поглядывали на нас без тревоги — как на очередных пастухов. На секунду мне стало даже стыдно за доспехи: ржавые пластины скрипели при каждом шаге, топор тянул руку вниз, и вся моя «власть» выглядела как плохая театральная маска.

Гнарл вдруг взвизгнул — именно взвизгнул, по-детски, мерзко — подпрыгнул и... оседлал овцу, как лошадь.

— Йо-хей! — заорал он, размахивая посохом, будто участник ярмарки.

Я непроизвольно фыркнул. Даже улыбка почти вылезла наружу — на одну короткую секунду.

И тут Гнарл резко опустил посох.

Дерево с рунами вошло в животное с глухим, влажным звуком. Овца дёрнулась, всхлипнула — да, именно так, как будто попыталась сказать слово — и рухнула в траву.

Улыбка умерла во рту.

Из раны, вместо крови, поднялось нечто странное: сфера — жёлтая, сияющая, как сгусток закатного света. Она пульсировала, будто внутри билось маленькое сердце. Сфера всплыла над тушей и на мгновение зависла, как вопрос, на который мир не хочет отвечать.

Гнарл снял её с воздуха, как яблоко с ветки, и протянул мне.

— Это жизнь, повелитель. Одна смерть — один новый слуга.

Я не сразу взял. Смотрел на свет в его ладони и думал, что мне снова предлагают кнопку «Да» и «Нет» — только теперь цена не абстрактная.

— Бери, — настойчиво сказал он. — Ты должен привыкнуть.

Я коснулся сферы.

Она исчезла в моей броне — не провалилась, не растворилась, а будто её втянули внутрь. На груди кольнуло холодом. За спиной стало теснее — словно в мир добавилась новая тень.

И действительно: позади меня, на шаг, стоял свежий демон — ещё мелкий, ещё недосформированный, но уже живой. Он моргнул красными глазами и склонил голову, будто признавая хозяина.

Меня передёрнуло.

— Что это за... устройство? — выдохнул я. — Как смерть становится силой?

Гнарл прищурился, и в его единственном глазу мелькнуло что-то похожее на память. Не воспоминание — ожог.

***** *Рассказ Гнарла о броне и сферах жизни* *****

— В нашем мире всегда существовала цена за жизнь, — начал он глухо. — Только никто не умел её собирать. Ду-

ши погибших вспыхивали искрой и исчезали. Так было веками... пока не появился он.

Башня дрожала от ударов врагов. Мы готовились к последнему бою. И тогда тьма в углу тронного зала сгустилась, вытекла клубами дыма — и из дыма вышел Клык.

Высокий. Закутанный в плащ. В глазах — холодный огонь, от которого умирают молитвы. В руке он держал странный обруч, весь покрытый знаками. Эти знаки словно шевелились, если смотреть на них слишком долго, будто там написано не буквами, а живыми червями.

— Я Клык. Король Ада, — сказал он так спокойно, будто назвал погоду. — Я пришёл предложить сделку.

Мой господин сжал руку на подлокотнике трона.

— Сделку? С кем? С демоном?

— Не с демоном, — усмехнулся Клык. — Со смертью.

Он протянул обруч.

— Напоследок, чтобы у тебя был шанс сразить любого врага, я дарую тебе устройство, поглощающее сферы жизни. Теперь каждая смерть перестанет быть пустотой. Душа врага станет сферой, а сфера — твоим слугой.

Обруч вплавился в броню Повелителя, будто всегда был её частью. И в тот миг жизнь перестала быть концом. Она стала ресурсом.

— Но зачем? — спросил мой господин. — Почему ты даёшь мне такую силу?

Клык улыбнулся. Его улыбка была трещиной в камне, ведущей в бездну.

— Всё имеет цену. Я даю тебе армию — бесконечную, чёрную, покорную. Ты сможешь завоевать этот мир и больше не знать страха. Но взамен я требую... услугу.

— Какую?

— Мне нужны два человека, — произнёс Клык медленно.

— Девушка с рыжими волосами. Её зовут Роза. И мальчишка, которого зовут... двести шестьдесят первым. Их жизни — моя плата.

Господин колебался.

— И что, если я откажусь?

Огонь в глазах Клыка вспыхнул ярче.

— Тогда твоя броня обратится в прах, армия рассыплется, а ты умрёшь здесь и сейчас. Ты потеряешь всё.

И мой господин сказал:

— Я принимаю.

Клык кивнул.

— Помни: каждое тело — твой ресурс. Чем больше смертей, тем больше армия. Собери её. Найди этих двоих. И отдай их мне.

С этими словами он растворился в дыме. И с того дня жизнь стала монетой. Смерть — сделкой.

***** *Завершение рассказа Гнарла о броне и сферах жизни* *****

Я стоял на лугу, слушал это — и внутри меня холодело.

Роза. «Двести шестьдесят первый». Я.

Значит, Клык не просто угрожал на арене. Он говорил это давно. Он знал. Он ждал.

— Значит... — выдохнул я. — Сколько я убью — столько у меня будет слуг.

Гнарл кивнул.

— И тем быстрее ты выживешь.

Выживешь. Как будто это оправдывает всё.

Я попробовал сам.

В ржавых доспехах я выглядел нелепо. Я погнался за овцами — спотыкаясь, скользя по траве, словно ребёнок в тяжёлых сапогах. Овцы блеяли, разбегались, а я махал топором, то промахиваясь, то врезаясь в землю. Каждый раз, когда металл входил в плоть, я чувствовал это не в руках — в желудке.

Сфера поднималась. Одна. Вторая. Третья.

И с каждой новой тенью за спиной воздух становился гуще.

К концу я стоял посреди луга, заваленного тушами. Кровь липла к перчаткам. Солнце всё так же светило, птицы всё так же пели — и от этого было ещё хуже. Мир не возмущался. Мир не наказывал. Он просто принимал.

Меня вырвало на траву.

Я вытер рот рукавом и понял — это не игра. Это не «проект» в безопасном смысле слова. Здесь всё по-настоящему. Даже моя слабость.

И именно тогда я услышал крик.

Хриплый, сорванный. Как будто кто-то давно уже кричит и просто забыл остановиться.

Мы подошли ближе — и я увидел столб. На нём висел человек.

Кожа облупилась от солнца. Губы потрескались. Волосы спутались в верёвки. Глаза блестели странным огнём —

безумным, но не пустым. Он мотал головой, как птица в клетке.

— Жара... солнце... тыквы... смерть... — бормотал он.

— Эй! — крикнул я. — Ты живой?!

Он дёрнулся и вдруг расхохотался.

— Ты со мной говоришь! Значит, тыквы обрели голос!

Боже... они теперь командуют людьми!

Я нахмурился.

— Я не тыква. Я человек.

— Ложь! — он зашипел. — Тыквы хитрые... маскируются! Ты тоже хочешь съесть меня?!

Через секунду голос стал жалобным, почти детским:

— Нет... не убивай... помоги... освободи меня от них.

Верни мне дом — и я расскажу тебе всё. Всё про Мэлвина. Про Одноглазого. Про Сердце Башни...

Он резко затих, огляделся, будто боялся, что кто-то подслушает. Потом снова завизжал:

— Убей их всех! Слышишь?! Убей «мародёров»! Верни мне владения! И я открою тебе правду!

Он закатил глаза, захрипел — и опять засмеялся, брызгая слюной.

— Видишь? — прошептал Гнарл. — Он не в себе. Но слова его могут быть правдой.

Я смотрел на крестьянина и чувствовал мерзкое ощущение: в этом безумии действительно пряталась карта. И если мы её не возьмём — мы останемся слепыми.

— Хорошо, — сказал я. — Я уничтожу «мародёров» и помогу вернуть твой дом. А ты... расскажешь всё, что знаешь. Договорились?

— Да! Да! — он задёргался. — Я покажу тебе, кто из «Молнии» ещё жив! Я расскажу про Одноглазого! Только избавь меня от этих тыкв!

***** *Рассказ Боба о его судьбе и Мэлвине* *****

— Всё началось пару лет назад... — заговорил он, и голос дрожал, то переходя в визг, то падая в шёпот. — Когда Мэлвин Толстопуз вернулся из похода. До него он был героем! Его встречали с цветами, ему пели песни... А после... после

он вернулся другим. Осталось только одно желание — жрать.

Сначала ему не отказывали. Несли хлеб, мясо, молоко — всё, что могли. Они думали: он заслужил. Но его желудок стал бездонной ямой. Чем больше ему давали, тем больше он требовал. Амбары пустели. В деревнях начинался голод.

— А потом были три случая... три! — он захохотал и тут же зарыдал. — После них он стал врагом всего живого.

Первый... он начал есть самих крестьян. Стариков. Женщин. Детей. Смотрел на нас и видел не лица — мясо. Мы подняли бунт, но его полурослики нас перебили, как собак.

Второй случай — тролли. Два огромных дикаря. Он от-

кормил их, как свиней, и сделал любимцами. Одного отправил в лагерь «Смерть» — туда, куда гнали несогласных. Другого поставил охранять свой дом в горе. Тролли ели людей... а Мэлвин хохотал, когда смотрел на это.

Третий... деревня Кутёж. Он пришёл туда, забрал всё до зерна и унёс в свой дом. Там ещё оставались люди... но выживали, глотая грязь и кору.

Боб задёргался на верёвках.

— А потом... на моё поле принесли Сердце Башни. Камень. Артефакт. Его поставили в центр — прямо там, где я всю жизнь выращивал тыквы. И тыквы начали расти бесконечно. Сколько бы их ни резали — утром появлялись новые. Земля застонала... и больше никогда не замолкала.

Он вдруг стал говорить иначе — чётче, словно цитировал: — «Вы, отряд “Мародёра”, должны охранять поле с Сердцем Башни. Любой враг — убить. Возьмите этот цветок. Он подчинит любого или обратит в камень. Поняли?!» — так сказал Мэлвин. Я слышал!

Потом снова сорвался:

— Они спросили, что со мной делать. И знаешь, что сказал Мэлвин?

Он завопил:

— «Привяжите его на солнцепёке ворон пугать. Кормите тыквой. Пусть мучается!»

Он захохотал.

— Вот так я стал пугалом! Каждый день тыквы... только тыквы! Они смеются надо мной!

***** *Завершение рассказа Боба о его судьбе и Мэлвине* *****

Чем дольше он говорил, тем яснее становилось: Сердце Башни — у Мэлвина. Оно кормит его власть. Оно делает его почти бессмертным... и делает мою дорогу единственной.

Мы двинулись к дому Боба.

И стоило сделать шаг — воздух изменился.

Сначала я услышал мелодию. Сладкую, нежную, как колыбельная. От неё хотелось закрыть глаза и забыть, где ты.

А потом мои демоны застыли.

Один — замер на полушаге. Другой — застыл с приоткрытой пастью. Третий — превратился в неподвижную тень. Даже Гнарл... Гнарл стал каменным, как статуя, — серым, тяжёлым, без дыхания.

Мелодия продолжалась.

На крыльцо вышел полурослик в железных доспехах. В руках он держал горшок с цветком. И этот цветок пел.

— Лотус-Фиготус, — сказал полурослик, усмехаясь. — Он подчинил всех твоих слуг. А вот ты... почему ты стоишь?

Я стиснул топор. Значит, песня бьёт по демонам — но не по мне. Почему? Потому что я человек? Потому что я «повелитель»? Или потому что цветок просто не знает, кто я?

— Зачем мучить крестьянина? — спросил я, делая шаг. Полурослик расхохотался.

— Боб? Мы повесили его, чтобы вороны клевали. Пусть страдает. А ты... кто ты?

Он резко помрачнел, будто вспомнил приказ.

— Что ты сделал с нашими тыквами, ублюдок?!

— Я новый повелитель башни, — сказал я.

Он прищурился.

— Лжёшь. Тот повелитель давно мёртв. А ты умрёшь сейчас!

Он бросился.

Клинок сверкнул на солнце и прошёл так близко, что я почувствовал холод металла кожей. Я поднял топор — руки дрожали, доспехи скрипели, будто готовы рассыпаться. Он двигался чётко, уверенно, как человек, который убивал не раз и не два.

А я... я просто отступал.

Стук сердца гремел в ушах. «Я не воин... я погибну».

Он ударил снова. Искры посыпались, когда его лезвие встретилось с моим ржавым железом. Руки онемели. Он засмеялся.

— Трухлявое железо против настоящего клинка? Я выпотрошу тебя, как свинью!

Я пятился, споткнулся, рухнул на одно колено. Он рванулся вперёд, занося меч для решающего удара. В его глазах было торжество — будто он уже видит, как я падаю.

И тогда страх сделал то, чего не смогла решимость.

Я вслепую махнул топором — слишком широко, без приёма, без мысли, просто ударил, чтобы не умереть.

Лезвие вошло ему в живот.

Мир на секунду замолчал.

Полурослик застыл. Глаза расширились. Рот открылся в беззвучном крике. Потом хлынула кровь — густая, тёплая, она залила доспехи и потекла по земле.

Он рухнул на колени, хватая себя за живот, и захрипел:
— Я... выполнил приказ... Одноглазого...

Я стоял над ним, задыхаясь, и не чувствовал победы. Только ужас: я убил. И сделал это не умением — случайностью.

***** *Рассказ Мародёра о приказе Одноглазого* *****

— Мой приказ был прост... — прохрипел он. — Защищать тыквенное поле от любого, кто сюда сунется.

Боб должен был рассказать тебе, что мы принесли Сердце Башни. Мы поставили его в центр поля — и случилось «чудо». Урожай стал бесконечным. Мэлвин был в восторге. Мы стали его щитом.

А Боба... он приказал оставить в живых. Пусть висит пугалом, пусть смотрит, как его земля кормит того, кто его лишил всего. Я сам велел привязать его. С тех пор он и начал сходить с ума.

Но сам план... саму идею... дал не Мэлвин. Всё придумал Одноглазый.

Он собрал нас и сказал:

«Для бесконечного урожая нужна сила Сердца Башни. Перенесите артефакт в тыквенное поле. Поставьте в центр — плоды станут вечными».

Я спросил:

«Почему ты, герой из “Молнии”, работаешь на Мэлвина?»

Он посмотрел на меня своим горящим глазом:

«Так нужно. Иначе погибнем все. Мир принадлежит “Молнии”, и он должен остаться нашим».

Я спросил:

«Откуда тебе известно о Сердце Башни?»

Он усмехнулся:

«Когда-то я был другом Гнарла. Маленький демон делился секретами. Сердце властвует над пространством и временем. Оно не только перемещает — оно создаёт бесконечное».

И перед уходом он дал мне этот цветок.

«Лотус-Фиготус. Если придут Гнарл и новый хозяин — цветок остановит слуг. Заморозит всех. Ты справишься?»

Я поклялся.

— Вот всё... — выдохнул полурослик. — А дальше появился ты...

***** *Завершение рассказа Мародёра о приказе Одноглазого* *****

Он захрипел. Глаза закатились. Я добил его — коротко, чтобы прекратить мучения. И в тот же миг снова услышал песню цветка: тихую, ласковую, от этого ещё более отвратительную.

Я подошёл к окну. На подоконнике стоял горшок.

Цветок тянул ко мне лепестки, будто звал.

Я схватил его, вырвал с корнями и швырнул на камень.

Пение оборвалось.

Демоны ожили разом: кто-то заорал, кто-то рухнул на колени, кто-то задёргался, как будто его отпустили после долгой судороги. Гнарл пошатнулся, тяжело дыша, будто только что вернулся из смерти.

Я повернулся к нему.

— Что это было? — спросил я. — Как цветок способен остановить вас?

Его глаз блеснул тревогой.

— Лотус-Фиготус... — сказал он медленно, будто само имя было проклятием.

Я стиснул топор.

— Мародёр сказал, что цветок дал Одноглазый. А Одноглазый, если верить твоим словам... был твоим другом. Значит, ты знаешь, что это. Я хочу правду. Как он появился. Почему может заморозить даже твоих демонов. И как уничтожить второй, если он существует.

Гнарл молчал долго. Потом кивнул — нехотя, как человек, который понимает: дальше скрывать бессмысленно.

— Хорошо. Слушайте.

***** *Рассказ Гнарла о Лотусе-Фиготусе* *****

— Лотус-Фиготус — не просто цветок. Это эксперимент прошлого повелителя.

Он боялся не столько врагов, сколько предательства. И создавал оружие, которому не нужна армия: оно одним дыханием лишало движения целые легионы.

Повелитель смешивал соки ядовитых растений с кровью зверей — волков, ворон, змей. Делал так, чтобы цветок узнавал врагов по крови и запаху. Чтобы мог остановить время для тех, кто станет против.

Было создано два.

Первый — ЛФ_zero. Маленький, в горшке. Парализует того, кто подходит слишком близко. Повелитель носил его как амулет. Но при штурме башни он не сработал: цветок не «знал» крови тех, кто пришёл в поход.

Второй — ЛФ_one. Настоящий кошмар. Он не для защиты — он для кары. Радиус действия — десятки шагов. Он способен остановить армию.

Но и это не всё. ЛФ_one защищён: лепестки и стебель закрыты плёнкой, которую не разорвать ни железом, ни обычной магией. Снять защиту может только древнее огненное заклинание. После падения башни оно считалось утерян-

ным... до тех пор, пока Сердце не вернётся.

Гнарл посмотрел мне в глаза.

— Ты уничтожил ЛФ_zero. Но ЛФ_one ещё где-то рядом. Если он выпадет против нас — мы можем не сделать даже шага.

**** Завершение рассказа Гнарла о Лотусе-Фиготусе*

Мы вернулись к столбу, где висел Боб.

Он всё так же раскачивался на верёвках, но теперь я видел: улыбка слишком широкая. Слишком уверенная для человека, который должен быть мёртв от жажды.

— Спасибо вам... — прохрипел он. — Освободите меня. Я обещал рассказать всё, что знаю об Одноглазом.

Я уже собирался приказать демонам разрубить верёвки, но Гнарл резко схватил меня за руку.

— Сэр... — прошипел он. — Это слишком просто. Ни воды, ни еды... а он жив. Это пахнет ловушкой.

«Боб» дёрнулся.

— Не оставляйте меня! Я скажу, где Одноглазый! Я скажу про Камень Воскрешения! Только выслушайте!

Я прищурился.

— Хорошо, — сказал я. — Рассказывай. А потом решим.

***** *Рассказ Боба об Одноглазом* *****

Он говорил сбивчиво, но уверенно. О Мэлвине — о том, как тот заперся в своих домах, как жрал, как собирал сокровища. О том, что Одноглазый принёс ему Камень Воскрешения, украденный из сокровищницы Голдо. О сделке: Одноглазый получает земли к западу от Кутёжа, а Виктор становится правой рукой Мэлвина.

И о том, что Одноглазый якобы нашёл способ вернуть себе глаз — древней магией, и теперь глаз горит пламенем и может испепелять взглядом.

***** *Завершение рассказа Боба об Одноглазом* *****

— Повелитель... — прошептал Гнарл. — Что-то не так.
Он шагнул в сторону и вдруг замер.

— Сэр... здесь... труп.

Я обернулся.

В кустах лежало высохшее, обглоданное тело. Настоящий человек. Настоящий Боб. Голова вывернута под неестественным углом, кожа давно стала пергаментом.

У меня внутри что-то провалилось.

— Тогда кто... — начал я.

Поздно.

Фигура на столбе издала хруст, будто ломались кости сразу. Тело вытянулось, руки превратились в длинные лезвия. Кожа лопнула, оголяя жилистые мышцы. Лицо стало безгубой маской, а глаза — чёрными провалами.

Существо сорвалось вниз и метнулось ко мне.

Я успел только пригнуться. Над головой свистнуло лезвие, срезав прядь волос. Оно ударило в камень со звоном, и искры посыпались мне на плечи. Ещё миг — и голова слетела бы с плеч.

Я рухнул на колени. Сердце колотилось, дыхание рвалось из груди.

Существо наклонилось ко мне — близко, слишком близко. От него пахло гнилью и чем-то сладким, как от тухлого мёда.

— Я ждал тебя, — прошипело оно. — Одноглазый был прав.

— Кто ты... — выдавил я.

Оно улыбнулось — пустой, безгубой улыбкой.

— Хочешь историю? Я расскажу её... перед смертью.

***** Рассказ Существа о плане Одноглазого и Камне**

Воскрешения ***

Оно говорило спокойно — и от этого становилось хуже.

Одноглазый не «беседовал» с крестьянином. Он выносил приговор. Ему нужно было ликвидировать Гнарла и нового хозяина башни. Поэтому он готовил ловушку.

Существо было «таинственным гостем», которому Одноглазый заплатил за дело: принести Камень Воскрешения. Оно отправилось в земли гномов, услышало разговор братьев из отряда «Непобедимые», где один признался, что камень исчез вместе с роем чёрных мух. След привёл в Темнолесье, к храму тёмных эльфов. Там, воспользовавшись нападением лесных тварей, существо подменило настоящий камень на пустышку и унесло Камень Воскрешения.

Оно вернулось к Одноглазому и получило второй приказ. Одноглазый говорил, что у него есть сделка с Клыкком. Клыкк требует двух жертв: Розу и «261». А «261» неизбежно придёт за Сердцем Башни.

План был прост: существо должно было убить настоящего Боба, сожрать его голову, принять его облик и ждать. Если получится — убить Гнарла и нового хозяина. Если не получится — хотя бы посеять сомнения, внушить мысль об убийстве.

Существо ждало два года.

И дождалось.

— Ты сам пришёл ко мне, — прошипело оно. — Как и сказал Одноглазый.

***** *Завершение рассказа Существа о плане Одноглазого и Камне Воскрешения* *****

Оно хрипло рассмеялось — и воздух вокруг стал холодным, как лёд в горле. А потом существо исчезло, будто его никогда и не было. Не убежало. Не растворилось. Просто выключилось из мира, оставив после себя пустоту.

Гнарл сглотнул.

— Повелитель... это охотник. Он может быть кем угодно.

Я молчал. Я уже знал: если он вернётся в нужный момент — мы не уйдём.

Мы двинулись к полю.

Две оставшиеся тени «Мародёров» спали у артефакта. Я даже не стал подходить близко. Кивнул демонам — и они разорвали спящих быстро, грязно, без церемоний.

В центре поля стояло Сердце Башни.

Чёрный камень, вросший в землю. Вокруг — тыквы. Сорвёшь одну — на её месте будто сразу начинает набухать новая. Земля дышала, пульсировала, как живая.

Я шагнул вперёд — и почва словно сопротивлялась, холод поднимался от неё по ногам. Демоны с рёвом ринулись вперёд: рвали плоды когтями, топтали, ломали, уничтожали. И мне показалось — да, показалось, но я уверен — что тыквы стонут.

голодна. Она пожирала всё. А потом свернулась внутрь себя и сжалась... став Сердцем.

С тех пор оно — источник силы демонов. Без него мы — пепел.

Но Сердце не только даёт жизнь. Оно открывает пути. В нём власть над пространством. Оно может вырвать кусок реальности и перенести тебя в другое место. Так Повелители ходили по мирам и собирали армии.

И помни: у Сердца есть воля. Оно выбирает хозяина. Оно может принять тебя... а может сожрать твою душу, если ты слаб.

***** *Завершение рассказа о Сердце Башни* *****

Мы вернулись к башне уже иначе.

Сердце в руках будто тянуло дорогу само — и там, где раньше были «мёртвые» проходы, воздух начинал дрожать, пропуская нас, как ключ. Я не спрашивал, как именно мы вернулись: после охотника я перестал требовать от мира объяснений.

В тронном зале демоны установили артефакт. Камень под ногами дрогнул. Свет разлился по сводам башни — не тёплый, не живой, но проснувшийся. Башня, казалось, вдохнула впервые за долгие годы.

Гнарл повернулся ко мне.

— Поздравляю, повелитель. Теперь у вас десять слуг. И ещё... Сердце вернуло доступ к древним закланиям. Слово «Огонь» — и шар сожжёт любого врага.

Я кивнул.

В груди разливалась тяжесть новой силы, но в памяти всё ещё звучал смех охотника. Его пустые глаза будто смотрели из тьмы коридоров, обещая скорую встречу.

Я знал: охота только началась.

Гнарл шагнул ближе и добавил тихо, почти заговорщицки:

— Повелитель... дальше наш путь лежит в деревню Кутёж. Там найдём тех, кто поможет восстановить башню. И там же — первые нити, ведущие к Одноглазому.

Я посмотрел на демонов, на дрожащий свет Сердца Башни — и понял: выбора нет.

Если я хочу жить... мне придётся идти в Кутёж.

Четвёртая глава

«Дорога в лагерь “Смерть”»

Свет портала ударил в лицо так резко, что я машинально прикрылся предплечьем — будто от кулака. Белая вспышка прожгла сетчатку, а затем мир дёрнулся, как плохо закреплённая декорация, и встал на место.

Я снова был там, где оставлял башню — на склоне, у каменной площадки, откуда открывался вид на серые руины и на темнеющий лес дальше по долине. За спиной шуршали мои слуги — десять теней, которые двигались синхронно, слишком тихо для живых существ. Гнарл стоял рядом, опираясь на посох, и смотрел на мир людей так, будто каждая травинка была для него угрозой.

Внутри башни, там, в тронном зале, билось Сердце — тяжело, размеренно, словно огромный зверь, которого загнали в клетку и заставили служить. Я не видел его отсюда, но чувствовал: гул в костях, дрожь в металле моих доспехов, вязкий холод где-то под ребром.

Сердце будто напоминало: я стал хозяином... но не полностью. Как будто оно терпит меня — пока.

Впереди ждала новая цель.

Кутёж.

Деревня, о которой говорил Гнарл, и нити, ведущие к Одноглазому, к Надзирателю, к лагерю “Смерть” — и дальше, туда, где засели настоящие хозяева этого мира.

Я шагнул вперёд, и мои демоны двинулись следом. Их когти шуршали по камню, а тени от них на земле выглядели слишком длинными, будто солнце боялось к ним приближаться.

Гнарл наклонился ко мне и прошептал:

— Повелитель. Здесь люди. Они боятся полуросликов... и всего, что с ними связано. И если увидят твоих слуг — будут стрелять. Не думай, что страх даст им разум.

Я кивнул, не отвечая. После всего, что я уже видел, я перестал требовать от людей логики.

*** *Ловушка Александра* ***

Пока я возвращал Сердце в башню и учился чувствовать его гул, один из “Мародёров” всё же выжил.

Израненный, залитый собственной кровью, он полз по холодной земле, цепляясь за кочки и корни, пока не добрался до лагерных укреплений. Его подняли за воротник, как мешок, и протащили к человеку, чьё имя в этих местах произносили шёпотом.

К Надзирателю.

— Господин... — просипел полурослик, захлёбываясь. — Отряд мёртв... Сердце Башни потеряно... Я видел... рыцаря в ржавых доспехах...

Надзиратель долго молчал. Лицо у него было каменным, будто высеченным из тьмы. Но один глаз — единственный живой — полыхнул чернотой, как если бы внутри него открылась щель в бездну.

— Значит, он появился, — сказал он наконец. — Новый враг. Тот, кого мы ждали.

Он повернулся к своим слугам:

— Передайте Александру. Пусть его огненный отряд сожжёт Кутёж дотла. Я хочу, чтобы даже угли не остались от

этой деревни.

Гонец ушёл.

И нашёл Александра у костра — там, где пламя было не просто огнём, а привычным языком общения. Александр сидел спокойно, словно не жил в мире, где всё горит. Его клинок лежал на коленях, и по лезвию бежали живые языки огня, будто меч дышал.

— Надзиратель приказывает уничтожить Кутёж, — выпал полурослик. — Враги убили “Мародёров”. Их вёл рыцарь в ржавых доспехах. Это он украл Сердце Башни.

Александр провёл пальцем по раскалённому лезвию — и

огонь взвился выше, как ответ.

— Значит, так, — сказал он медленно.

Полурослик выдохнул с облегчением — он думал, что приказ будет исполнен.

Но Александр поднял глаза.

— Тогда деревня подождёт.

Гонец растерянно моргнул.

— Но господин приказал...

— Я знаю, что приказал Надзиратель, — перебил Александр. — Но жечь дома и резать безоружных — слишком легко. Я хочу его.

Он встал. Тень вытянулась от костра длинной полосой. Казалось, огонь держит его за плечи.

— Враг сам идёт к нам. Лучше встретить его там, где он не ждёт.

На каменном мосту через реку Александр остановился и оглядел долину. По ту сторону уже дымились поля: пшеница горела, оставляя чёрные клубы — знак для тех, кто умеет читать такие письма.

— Вот и всё, — прошептал он, положив руку на меч. — Пусть попадётся.

И исчез в тени, приказав полуросликам лечь по обе стороны моста.

***** *Завершение ловушки Александра* *****

Дорога заняла несколько часов. Солнце клонилось к закату, когда на горизонте поднялись деревянные стены деревни Кутеж. Низкие, старые, с потемневшими от дождей досками. Перед ними — ров с мутной водой, неподвижной и густой, как старая грязь.

Но больше всего пугало другое.

Тишина.

Ни смеха, ни крика, ни собачьего лая. Ветер свистел между крышами, как в пустом черепе.

Я остановился у ворот и поднял голос:

— Эй! Есть кто живой?!

Ответ пришёл мгновенно — не словами.

Надо мной скрипнула тетива. На стене показался крестьянин с луком. Лицо перекошено, руки дрожат так, что стрела могла уйти в землю даже без выстрела. Рядом поднялся второй — бледный, как мука, с губами, стиснутыми до белых полос.

— Сейчас я его пристрелю! — заорал лучник.

— Подожди... — второй схватил его за плечо. — У него демоны... Может, он не полурослик?

— Враки! — лучник не опускал прицела. — Они хитрые. Маскируются. Может, это два полурослика в одних доспехах. Сейчас стреляю.

Стрела ударила в землю в шаге от меня. Я даже не шелохнулся. Почему-то именно в этот миг я понял: если они захотят — меня здесь убьют. Не потому что я злодей. А потому что им проще верить в худшее, чем надеяться.

— Я не враг! — крикнул я. — Я не полурослик!

Крестьяне переглянулись. В их взгляде была не злость — только животный страх, который давит сильнее камня.

— Пошёл прочь! — выкрикнул второй. — Мы уже всё отдали! Хватит!

Я шагнул ближе к рву.

— Я пришёл с миром.

Тишина протянулась, как верёвка. Потом второй крестьянин выдохнул:

— Может... проверим его? Если он действительно не враг, он сможет помочь... с лагерем.

Лучник зло сверкнул глазами, но чуть опустил лук — на полпальца.

— С каким лагерем? — спросил я.

Слова дались тяжело, будто я сам произносил чужое проклятие.

Крестьяне переглянулись. И второй заговорил дрожащим

ГОЛОСОМ:

— С лагерем “Смерть”.

Он сглотнул. И я увидел: это не просто страх. Это привычка к страху.

— наших людей увели туда, — прошептал он. — Рабов. Детей. Женщин. Никто не возвращался. Говорят, там тролль... надзиратель... и сам Мэлвин отправляет туда тех, кто мешает. Если хочешь доверия — освободи наших.

Голос сорвался, будто он держал это в горле годами.

Лучник добавил, уже тише:

— Вернёшь людей — мы впустим тебя. И дадим пятьсот

золотых сверху. Только... не подведи.

Я покачал головой.

— Мне не нужны деньги. Дайте лучше информацию. Где Мэлвин и его войска?

В глазах второго мелькнула надежда — слабая, как свеча в подвале.

— Договорились.

Ворота остались закрыты, но это уже не имело значения. Я повернулся к своим слугам.

Лагерь “Смерть” звал.

Мы двинулись по дороге, и воздух становился тяжелее с каждым шагом. Не от погоды — от ожидания. Слишком пусто. Слишком тихо. Даже птицы не пели.

Когда показалась река, я остановился.

Каменный мост был старым, широким, с выбитыми в камне отметинами — будто по нему веками тащили телеги и гробовые плиты. За рекой поднимался дым: горели поля. Пшеница трещала где-то вдаль, и этот треск звучал как предупреждение.

Гнарл прошипел:

— Повелитель... здесь пахнет засадой.

Я шагнул на мост.

Середина.

И в тот же миг из-за камней впереди выскочили пятеро полуросликов. За спиной показались ещё пятеро. Мост стал клеткой.

А потом из тени вышел он.

Высокий, широкоплечий воин. Броня старая, но крепкая — на ней ещё блестели следы былых побед, как шрамы. Лицо скрывал капюшон. В руках — меч.

И этот меч горел.

Не искрил, не тлел — горел так, будто в нём застрял кусок солнца. В воздухе дрожала жара, и камень под его сапогами казался мягче.

— Так-так... — голос Александра был низким и холодным. — Рыцарь в ржавых доспехах. Тот, кто посмел убить моих.

Я стиснул топор. Руки вспотели под перчатками.

— Ты не уйдёшь, — произнёс он, поднимая клинок. — Я заставлю тебя сгореть в своём железе.

Полурослики ринулись.

— В строй! — рявкнул я.

Мои слуги сомкнулись, как тени, и бросились навстречу. И тогда Александр сделал первый удар.

Взмах — и с лезвия сорвался поток пламени. Двое демонов вспыхнули, как сухая солома, и рассыпались пеплом раньше, чем успели закричать. Запах горелой плоти ударил в нос.

Я споткнулся не ногой — мыслью. В голове мелькнуло: они умирают так же легко, как те люди на арене.

Александр шёл вперёд медленно, но каждый шаг отдавался гулом в камне. Каждый удар его меча был как молния: огонь выжигал воздух, металл плавился у кромки. Я встретил его топором — и даже сквозь блок почувствовал, как кости в руках трещат от силы удара.

— Ты ничто, — прорычал он. — Я видел настоящих воинов. Ты — тень.

Мы сошлись ближе. Искры и пламя брызнули во все стороны. Он был быстрее, чем я ожидал. Его клинок не просто бил — он вёл бой, как дирижёр ведёт оркестр.

Я попытался вспомнить слова Гнарла: «Огонь»... и шар сожжёт врага.

— Огонь! — выдохнул я.

Ничего не произошло.

Только жар Александра, только мой страх, только стук крови. Я понял: знать слово мало. Нужно... что-то ещё. Воля? Сердце? Я не умел.

Один удар выбил топор из рук. Я услышал, как металл звякнул о камень, и в тот же миг понял: сейчас мне отрубят голову.

Но мои демоны бросились, отвлекая Александра. Он крутился вихрем, разя их одного за другим. Меч пел — да, именно пел, оставляя в воздухе огненные линии. Слуги падали и исчезали, словно их никогда и не было.

Я подхватил топор и рванулся снова.

Мы столкнулись. Моё железо против его пламени. С каждым ударом я слабел, а он будто становился сильнее. Наконец Александр поднял меч над головой. Огонь взвился к самому небу.

— Гори!

Лезвие рухнуло вниз.

Я упал на колени, в последний миг подставив топор. Удар сотряс мост. Огонь взорвался во все стороны. На секунду я ослеп — не от света портала, а от жара.

И в этот миг один из моих демонов рванул сбоку, вонзив копьё Александру в спину.

Александр взвыл, развернулся — и одним движением разрубил слугу надвое. Но этой секунды мне хватило.

Из последних сил я ударил снизу вверх.

Топор вошёл ему в бок.

Огненный клинок дрогнул. Пламя затрещало... и впервые на миг ослабло.

Александр шатнулся. Кровь потекла по камням моста. Но глаза его всё ещё горели — не огнём, а упрямством.

Он поднял голову и прохрипел:

— Я... знаю, кто ты... такой... Гнарл...

Я обернулся.

Гнарл застыл. Его единственный глаз расширился так, будто в него снова вонзили клинок.

— Невозможно... — прошептал он. — Александр... он

был другом Одноглазого.

Александр улыбнулся окровавленными губами — и рухнул в реку.

Вода взорвалась паром, будто огонь в нём ещё жил. Тело исчезло в мутной глубине.

Я стоял среди трещащих камней, тяжело дыша. Из десяти слуг уцелели лишь шестеро. И слова Александра жгли сильнее его меча.

***** Воспоминание Гнарла *****

Мы ушли с моста, оставив дым и кровь позади. И только когда дорога снова превратилась в тропу, Гнарл заговорил — тихо, словно боялся, что его услышат.

— Повелитель... я помню разговор. Давний. После Великого похода.

Его голос стал сиплым, будто он снова глотал пепел.

— Одноглазый искал меня. Сжигал поля, рушил руины... Он не умел искать иначе. Я слышал его даже под землёй.

И однажды... в мёртвых развалинах... я стал свидетелем встречи. Одноглазый и Александр.

Гнарл остановился, словно видел это перед собой.

— Где он?! Где этот калека?! Где Гнарл?! — рычал Одноглазый. Его единственный глаз горел так, что стены плавились.

Александр стоял спокойно, опираясь на свой пылающий меч.

— Он уйдёт, — сказал он. — Ты же знаешь. Он скользкий,

как дым.

— Замолчи! — взревел Одноглазый. — Я поклялся разорвать его на куски!

Но потом голос его стал холоднее.

— Слушай, Александр. Пусть Гнарл пока бегает, как крыса. Я хочу, чтобы ты сосредоточился на другом. На лагере.

Александр кивнул.

— На “Смерти”.

— Да. Там Надзиратель. Он нужен мне живым. Пока он стоит — люди будут дрожать. А дрожь — это власть.

Одноглазый наклонился ближе.

— Ты прикроешь его. Ты убьёшь каждого, кто осмелится шагнуть против лагеря. Без вопросов. Без пощады.

Александр сжал клинок.

— Так и будет.

— Вот и хорошо, — усмехнулся Одноглазый. — Ты мой меч. Надзиратель — моя тень. А вместе вы станете страхом, который никогда не умирает.

Гнарл замолчал, и мы пошли дальше.

Теперь я понимал: лагерь “Смерть” — не просто тюрьма. Это узел, через который Одноглазый держит людей за горло.

***** Завершение воспоминаний Гнарла *****

Лес сомкнулся над головой. Ветки тянулись, как когти. Сырой туман стлался по земле, скрывая корни и ямы. Я шёл осторожно, прислушиваясь к каждому шороху — после охотника из прошлой главы я не верил даже тишине.

И вдруг из белой мглы вывалился человек.

Он спотыкался, падал, поднимался — пока не рухнул к моим ногам.

— Я... Фёдор... — прохрипел он. — Я сбежал... из лагеря... Там троль... надзиратель... они убьют всех...

Одежда изорвана. Тело в ссадинах. Руки трясутся так, будто их трогает холод, которого вокруг нет.

Он вцепился мне в руку.

— Они заставляют копать, таскать камни... пока руки не рвутся... Троль бьёт... Надзиратель смотрит... он хуже смерти...

Фёдор говорил быстро, сбивчиво, словно боялся, что если остановится — умрёт.

— Я больше не мог... — выдохнул он. — Тогда я схватил камень... и ударил. Ударил Надзирателя по лицу.

В глазах мелькнуло безумное торжество.

— Я видел кровь! Чёрную, густую... Даже он может течь! Даже он!

Но радость умерла так же быстро.

— Он не упал... Он просто посмотрел на меня. И я понял: смерть уже идёт.

Фёдор судорожно повёл плечами.

— Я вырвался... бежал... пока не оказался в лесу. Но он не простит. Он идёт за мной. Он всегда идёт...

Ответ пришёл не словами.

Из тумана вышли фигуры.

Сначала — тени. Потом — строй полуросликов, плотный, дисциплинированный. Их глаза горели жёлтым светом, лица были злые и пустые, как у собак, которых кормили ненавистью.

А впереди шёл предводитель.

Высокий для полурослика. В чёрных доспехах, которые блестели мёртвым светом. В руке — меч, и лезвие этого клинка будто впитало саму ночь: тьма струилась с него, как дым.

Он остановился в десяти шагах.

— Отдай беглеца.

Фёдор вцепился в мой локоть обеими руками. Я чувствовал, как он дрожит.

— Отдай его — и твоя деревня останется цела. Откажешься... — он наклонил голову, — ...и Кутёж сгорит дотла.

Гнарл зашипел мне в ухо:

— Повелитель... это он. Надзиратель лагеря “Смерть”.

Я не двинулся. Слуги за моей спиной тоже замерли, готовые рвануть.

Надзиратель посмотрел на меня — долго, спокойно, будто измерял. Потом перевёл взгляд на Фёдора... и вдруг опустил

клинок.

— Беги, раб, — произнёс он ледяным тоном. — Но запомни: кто войдёт в мой лагерь, не выйдет оттуда живым.

Фёдор вздрогнул, будто его ударили. Потом сорвался с места и побежал — спотыкаясь, падая, снова поднимаясь. Его силуэт растворился в мареве, и эхо шагов катилось в сторону Кутежа.

Надзиратель задержал взгляд на мне.

— Иди своей дорогой, рыцарь, — сказал он. — В лагерь “Смерть” тебе путь заказан.

Он развернулся — и отряд исчез в тумане так же внезапно, как появился, будто лес сам проглотил их.

Я остался стоять, слушая собственное дыхание.

В его словах не было бравады.

Это было предупреждение.

...И где-то глубже, возможно, приглашение.

Туман рассеивался, лес редел, и вскоре воздух изменился.

Запах.

Тухлое мясо, прогорклый дым, гниль. Ветер приносил стоны — то ли людей, то ли зверей — и этот хор вплетался в карканье ворон, круживших над долиной.

Передо мной поднялись стены лагеря: обугленные доски, колья, торчащие из земли, как кости. Над воротами висела табличка, выжженная огнём:

Сирена взвыла, разрывая воздух металлическим ревом, и лагерь ожил. Из щелей, ям, хижин, как из муравейника, выползали полурослики — вооружённые, визжащие, организованные.

На стене появились стражи.

— Где наш раб?!

— Его нет, — ответил я.

— Тогда ты займёшь его место!

Сирена ударила вторым, третьим волчьим воем.

Камнемёты ожили. Сверху полетел валун — и один из моих слуг был раздавлен в кашу, даже не успев поднять руки. Земля дрогнула.

Я стиснул зубы.

— Трое — в лес, — приказал я. — Срежьте им путь, убейте тех, кто сидит в засаде.

Слуги исчезли в чаще.

Оставшиеся сомкнулись со мной у ворот.

Стрелы жалили со всех сторон. Я поднял щит, сорванный с павшего, и рванул вперёд. Рукоять щита скользила от крови, но я держал крепче. Полурослики визжали, как стая, и кидались на нас волнами.

Мои демоны рубили и рвали когтями. Я бил топором — раз, два, третий. Мясо, кость, грязь. Бой превращал землю в вязкую кашу.

Из леса донёсся грохот — там началась другая бойня. Крики полуросликов смешались с ревом демонов, звенело железо, трещали ветви.

— Дави их! — крикнул я, бросаясь в гущу.

Время потеряло форму. Остались только удары, визг, тяжёлое дыхание под шлемом.

Наконец лес стих. Мои трое вернулись — перемазанные кровью, но живые.

— Вперёд! — крикнул я.

Мы врезались в строй у ворот, как клин.

Я прорубил путь к механизму, добрался до тяжёлого колеса и провернул. Руки горели, ладони ныли, но колесо поддалось. Ворота заскрипели и поползли.

Лагерь раскрыл пасть.

В тот же час далеко на севере, в пустошах, где ветер режет кожу, стоял Одноглазый.

Его плащ трепал ураган, а единственный глаз горел, как уголь в горниле.

Он смотрел вниз на поле, где ещё недавно жили его люди. Там были обугленные тела, дымящиеся руины и треснувшая земля.

Он нашёл обломок щита — клеймо Александра ещё держалось на металле.

— Мёртв... — прохрипел Одноглазый. — Даже он пал.

Ненависть поднялась в нём, как пламя.

— Кто посмел?! Кто дерзнул бросить вызов мне?!

В этот миг к нему выбежал измождённый человек — Фёдор.

— Пощади! Я всё расскажу! Это он... рыцарь в ржавых доспехах! Он убил Александра! Он идёт в лагерь “Смерть”!

Одноглазый улыбнулся криво — как трещина в камне.

— Рыцарь... в ржавых доспехах... — повторил он. —
Значит, кто-то решил встать выше меня?

Фёдор ещё пытался умолять.

Но Одноглазый уже не слушал.

Одним движением он рассёк человека надвое, и крик за-

хлебнулся.

— Хорошо, — выдохнул он, глядя на юг. — Я сам иду за тобой.

Сирена всё ещё выла.

Ворота “Смерти” были открыты.

Лагерь стоял передо мной — как тёмная пасть, которая дышит гнилью и кровью.

Я сделал шаг внутрь.

Пятая глава

«Лагерь “Смерть”»

Ворота закрылись за моей спиной не хлопком — стоном. Дерево скрипнуло, будто сопротивлялось самой мысли впускать сюда живого. Сирена выла так, что вибрация дрожала в зубах и отдавалась в глазницах. Я шагнул вперёд и сразу понял: название лагерю придумали не для красоты.

Запах ударил в лицо, как мокрая тряпка.

Тухлое мясо. Прогорклый дым. Гниль. И ещё что-то — металлическое, липкое — как будто сама кровь давно сгнила и теперь воняла не телом, а железом.

Дорожка внутри была из досок, узких и шатких. По обе стороны валялись трупы — рабы. Их положили не как людей, а как мусор: где упали, там и остались. Мухи сидели на губах и глазах. Сухие руки торчали из грязи, как корни.

Я поймал себя на том, что дышу ртом — и тут же пожалел: от вкуса стало мутить.

Где-то в глубине лагеря кто-то стонал. То ли человек, то ли зверь. К этому стону примешивалось карканье ворон — они кружили над долиной, и казалось, что птицы здесь работают так же, как стража: просто ждут.

Я сделал ещё шаг.

Доски местами были тёмные, будто кто-то пролил масло. Нет — кровь. Иногда дорожка уходила в грязь, и мне приходилось перепрыгивать через тонкие ручейки, тянущиеся по земле. В некоторых лужах кровь стояла густым слоем, словно её специально собирали.

Меня передёрнуло.

«Не смотри. Иди».

Я ненавидел всё, что видел. Но назад дороги не было. Если я развернусь — Кутёж сожгут. Не потому что он важен, а потому что так удобнее: страх легче управляет людьми, если у него есть доказательства.

За мной двигались мои слуги. Их стало больше, чем было у моста — кровь у ворот лагеря дала новые сферы, и броня приняла их молча, как голодный рот. Тени выстраивались за спиной, рождённые из чужой смерти. Я ненавидел это в себе, но не мог отказаться: в этом мире выживает тот, кто берёт то, что дают.

Сирена продолжала выть. Я почти не слышал собственных мыслей.

И всё же я почувствовал — впереди первая линия обороны.

Сквозь дым и туман проступили фигуры. Полурослики стояли поперёк прохода плотной группой: щиты, короткие мечи, шлемы, на лицах — злость и уверенность. Они ждали меня не как человека, а как зверя, которого надо добить.

За ними виднелся проход глубже в лагерь. И я сразу понял: если сейчас дрогну, дальше не пройду.

Кто-то из них кричал мне что-то — оскорбления, угрозы. Я видел перекошенные рты, видел, как они плюются словами. Но я не слышал — сирена заглушала всё.

Половина отряда выдвинулась вперёд. Они побежали, визжа и размахивая мечами.

Я поднял руку — и впервые с моста почувствовал, как внутри меня откликается Сердце Башни, будто на расстоянии оно всё равно держит меня на цепи. В груди дрогнул холод, и в ладони собралась тяжесть.

— Огонь... — выдохнул я не как заклинание, а как просьбу.

В воздухе вспыхнул шар — не яркий, не праздничный.

Плотный, тяжёлый, как раскалённый камень. Он издавал низкий гул, будто внутри горел не огонь, а злость.

Я швырнул его.

Шар ударил в строй и разорвался пламенем. Несколько полуросликов вспыхнули сразу, как сухая солома. Их визг слился с сиреной, стал частью этого безумного звука.

Мои слуги рванули вперёд. Когти, зубы, тени. Они прикрывали меня от тех, в кого я не успел попасть, и я снова поднял руку — второй шар, третий. Не идеально, не красиво, но достаточно, чтобы бой пошёл в мою сторону.

Двадцать минут превратились в одну липкую минуту крови. Земля под ногами стала вязкой. Доски скользили. Мечи звенели, ломались, застревали в костях.

Наконец половина отряда пала. Остальные, срываясь, побежали глубже в лагерь.

Я выдохнул — и сделал глупость.

Решил, что они испугались.

Я пошёл за ними с тяжёлой уверенностью, которую не заслужил.

И тут лагерь показал, что он не только про силу, но и про ловушки.

Я прошёл через очередную деревянную перегородку — и мои слуги, которые шли впереди, вдруг исчезли.

Не растворились. Не убежали.

Их просто раздавило.

Камни рухнули сверху, как приговор. Один валун, второй

— и тени схлопнулись в грязь. Даже звука почти не было — только влажный хруст и мгновенная пустота там, где секунду назад были мои защитники.

Я остановился и поднял голову.

Впереди, выше, на платформе стояли полурослики с камнями. Слева — пятеро. Справа — пятеро. Они работали как механизм: поднять, бросить, снова поднять.

И рядом с ними стоял тот, кого я почувствовал ещё у ворот.

Надзиратель.

Он был выше обычного полурослика. В чёрных доспехах — не блестящих, а будто покрытых мёртвым лаком. Его меч был чёрным тоже. И тьма с лезвия текла, как дым, хотя ветра почти не было.

И в этот момент сирена заткнулась.

Тишина ударила сильнее, чем шум. После вытья стало слышно всё: стоны, шорохи, капли крови, падающие с досок.

Надзиратель посмотрел на меня и сказал спокойно, даже почти вежливо:

— Так-так... Ты, я вижу, не понял меня. Пришёл в мой лагерь.

Он махнул рукой, и к нему подбежали те полурослики, что сбежали от первой обороны.

— Простите нас, господин... — залепетал один, торопясь, спотыкаясь на словах. — Мы... мы не ожидали...

Надзиратель улыбнулся.

— Конечно. Подойди ближе. Прими свою смерть.

Полурослик сделал шаг — и меч Надзирателя вошёл в него так легко, будто ткань прорезали иглой. Тело обмякло. Глаза остекленели.

Остальные даже не успели отступить.

Надзиратель свистнул — коротко. И его люди зарезали остальных так же быстро, как режут скот. Без крика. Без жалости. Просто, потому что он так захотел.

Надзиратель вытащил клинок, медленно повернулся ко мне и улыбнулся шире.

— Как только ты погибнешь, — сказал он, — я пойду в Кутёж и сожгу его дотла.

Он развернулся и пошёл в глубь лагеря, будто я уже мёртв.

Полурослики на платформах крикнули:

— Дальше ни шагу!

Я не ответил. Я посмотрел на камни в их руках — и понял, что если сейчас пойду прямо, меня раздавят так же.

— Разделиться, — приказал я. — Пятеро — налево. Пятеро — направо.

Мои слуги рванули по склонам, цепляясь за дерево и камень, карабкаясь к платформам. Камни полетели, как град, но теперь они били по движущимся теням, а не по мне.

Я же прижался к стене, использовал остатки перегородок как щит и двинулся дальше — туда, куда ушёл Надзиратель.

Внутренние ворота — ещё одна тяжёлая створка — оказались почти пустыми. Ни стражи, ни щитов. И это было слыш-

ком хорошо, чтобы быть правдой.

Я протянул руку к рычагу.

И меня сбили.

Полурослик выскочил сбоку и вцепился в меня всем телом. Мы рухнули в грязь. Мой меч отлетел далеко, и на секунду я остался с пустыми руками, только с тяжестью брони и с дыханием, которое вдруг стало чужим.

— Умри! — визжал он, пытаясь воткнуть клинок мне в щель под горлом.

Я держал его запястье двумя руками и чувствовал, как дрожат мышцы — не от силы, от страха. Всё моё железо

вдруг стало бесполезным, если лезвие найдёт один сантиметр кожи.

И тогда что-то ударило полурослика по голове.

Камень.

Он дёрнулся, глаза закатились, и тело обмякло.

Один из моих слуг — тот, кто вернулся с платформы — стоял рядом, ещё сжимая в когтях второй камень. Он молча наклонил голову, будто спрашивая: «Жив?».

Я поднялся, подобрал меч и пошёл дальше.

Дорога снова петляла. Доски сменялись грязью, грязь — досками, как будто лагерь специально путал пути. И вскоре передо мной открылся круг.

Большой круглый плац.

По краям — клетки. Десятки клеток. В каждой — люди. Измождённые, грязные, в цепях. Некоторые сидели, не поднимая головы. Некоторые стояли и держались за прутья, как за единственное, что не даёт упасть.

— Помогите... — прохрипел кто-то.

— Спасите нас... пожалуйста...

Полурослики подходили к клеткам и тыкали в людей мечами, чтобы заткнуть. Не убивали — просто напоминали, что голос здесь лишний.

Я сделал шаг — и клетка справа ожила.

— Это он... — прошептал кто-то. — Спаситель...

Слово было страшным. Потому что если я не спасу — они умрут не только телом. Они умрут надеждой.

Я понял: отсюда я уйду либо победителем, либо трупом. Третьего не было.

Именно тогда из ворот, ведущих в центр лагеря, вышел

Надзиратель.

А рядом с ним — тролль.

Троль был огромный. Не “большой” — огромный, как дом. На руках — цепи. На шее — кандалы. Глаза мутные, злые, пустые. Он дышал тяжело, и каждый выдох был как удар молота.

Надзиратель держал цепь так спокойно, будто это поводок.

— Я же просил тебя, — сказал он, — не делать глупостей и повернуть назад. Но ты упрямый, как осёл. Теперь посмотрим, кто сильнее.

Он щёлкнул замком, и цепь упала на землю.

— План “D”! — завизжали полурослики и отступили в стороны, оставляя пространство.

Троль рванулся.

Земля дрогнула от его массы. Доски под ногами взвизгнули. Люди в клетках закричали.

Я отступил на шаг — и заставил себя не бежать.

Если я побегу, он сомнёт меня как бумагу.

Я поднял меч, понимая одну вещь: тролля приучили. Он не тронет полуросликов. Он будет убивать всех остальных. Он — живая стена между мной и центром лагеря.

— Обойти! — крикнул я слугам. — К Надзирателю!

Мои тени метнулись в обход, врезаясь в стражу. Началась вторая битва — быстрые когти против коротких мечей.

А троль был моим личным кошмаром.

Он бил кулаком по броне, и металл стонал. Один удар — и я отлетел в грязь. Второй — и в груди щёлкнуло так, будто внутри сломалась доска. Мне повезло, что броня приняла часть силы. Но я чувствовал: ещё несколько ударов — и внутри меня станет пусто.

Я перекатился, вскочил и пошёл ближе, не отступая, а наоборот — в опасность. Троль привык давить. Давить проще, чем ловить.

Я резко ушёл в сторону, и его удар прошёл мимо. Земля взорвалась грязью. Я оказался у него за спиной.

Троль заревел, дернулся, начал поворачиваться слишком медленно для своего размера.

Я прыгнул и вогнал меч ему в затылок — туда, где шея соединяется с черепом.

Тело дёрнулось. Огромная масса рухнула на землю с грохотом, будто рухнула башня. Пыль поднялась волной. И троль замер.

Мёртв.

В клетках поднялся крик — радостный и безумный.

— Он убил тролля!

— Спаситель!

— Мы живы!

Я не почувствовал радости. Только усталость.

И ещё — тревогу.

Потому что когда я посмотрел на своих слуг, стало ясно: цена была высокой. Полурослики лежали мёртвые. Но и мои тени поредели. Надзиратель успел убить часть — быстро, точно, будто рубил не врагов, а траву.

Надзиратель шагнул ко мне.

— Всё, — прошипел он. — Ты меня достал.

Его голос сорвался, и в нём было настоящее бешенство.

— Мой господин дал мне этот лагерь! Пока я жив — лагерь будет работать! Вечно! — Он повернулся к клеткам. — А вы... крысы... падлы... Я вас всех сожгу! И Кутёж сожгу! И этот лагерь сожгу вместе с вами, если будет нужно!

Люди в клетках замолчали сразу. Страх тут — как выключатель.

— Может не будем нервничать? — попытался сказать я ровно, хотя внутри всё дрожало.

— Да пошёл ты.

Он ударил.

Чёрный клинок встретился с моим мечом, и меня отбросило, будто я столкнулся с поездом. Не силой руки — силой

тмы. Меч Надзирателя был тяжёлым не металлом. Он был тяжёлым чужими смертями.

Мои слуги бросились помочь.

И погибли.

Не все сразу — но достаточно быстро, чтобы я понял: он умеет не просто убивать, он умеет забирать.

Надзиратель шагнул к телу одного из моих слуг, проткнул его мечом и прошептал:

Тело дёрнулось, будто душу вытянули крюком. Из раны поднялся чёрный дым и втянулся в лезвие.

Глаза Надзирателя вспыхнули алым.

— Меч мой... пожри врагов моих... — бормотал он, переходя от тела к телу, и я видел: с каждым поглощением он становился быстрее. Сильнее. Увереннее.

И тогда он закричал:

— Финальная стадия!

Меч поднялся сам — будто у него были собственные руки. Он взмыл вверх и вонзился в труп тролля.

Троль... исчез.

Не развалился, не растворился. Просто исчез, будто его

проглотили. Чёрная энергия в лезвии вздулась, стала плотнее, и воздух вокруг застонал от давления.

Надзиратель взял меч — и ударил в мою сторону.

Меня отбросило струёй ветра, как щепку. Я ударился о землю, и боль вспыхнула в боку. Пока я пытался подняться, Надзиратель оказался рядом — слишком быстро.

Он выбил мой меч, как игрушку, и швырнул меня в центр круга — прямо туда, где земля уже была пропитана кровью.

Я поднялся... и сразу получил удар в живот.

Воздух вышибло. В глазах потемнело.

Надзиратель навис надо мной, подняв меч.

— Я повторяю, — сказал он тихо, почти ласково. — Тебе здесь не рады.

Я не думал. Я просто сказал первое, что пришло.

— Прости... меня...

И это сработало.

Надзиратель усмехнулся.

— Так ты у нас ещё и тряпка? — Он ударил ногой, и меня согнуло. — Вставай и дерись! Или я зарежу тебя, как свинью!

Я поднялся, шатаюсь.

— Медленно встаёшь... — он ударил снова, и во рту появился вкус крови.

Он смеялся. Именно этого я и ждал.

Потому что пока он смеётся — он не ждёт удара.

Я шагнул ближе, будто снова падаю, и в тот миг, когда он приготовился добить меня, я схватил его меч обеими руками.

Холод ударил в ладони, как лёд.

Из клинка потянулась тёмная энергия — она полезла в меня, как дым в лёгкие. Я почувствовал, что меня начинают жрать изнутри. Не болью — пустотой.

Но я не отпустил.

Я развернулся и со всей силы ударил мечом о камень.

Один раз. Второй.

На третий лезвие треснуло — и сломалось.

Чёрная энергия взвилась в небо, как стая ворон, и исчезла в дыму.

Надзиратель завизжал — не как воин, как человек, у которого отняли смысл.

Алый свет в его глазах погас.

Я поднял свой меч.

— Теперь послушай меня, — сказал я, тяжело дыша. — Извинись перед рабами. И я убью тебя быстро.

Он выплюнул кровь.

— Да пошёл ты.

И заорал в сторону ворот:

— План “Z”! Немедленно!

Земля задрожала.

Доски под ногами пошли волной. Стены лагеря зазаскрипели, будто их ломали изнутри. Где-то рухнула вышка. Крики взлетели над лагерем, как птицы.

Надзиратель хотел забрать с собой всех. Если он падал — он тащил за собой лагерь.

Я ударил его — коротко. Сбил с ног. И не стал добивать.

Не потому что пожалел.

Потому что вокруг были клетки.

Я бросился к замкам, срывая цепи, ломая прутья мечом и камнями. Ключи нашлись на поясах мёртвых полуросликов. Люди вываливались из клеток, падали, вставали, бежали — кто куда, но в одну сторону: домой.

— В Кутёж! — кричал я. — Бегите в Кутёж!

Они не спорили. Они бежали так, как бегут из огня.

Тряска длилась минуту... две... вечность. Потом резко стихла.

Тишина упала, как крышка гроба.

Лагерь опустел.

Остались только я... и Надзиратель, лежащий в грязи, задыхаясь от боли.

Я подошёл ближе.

— Как... ты это сделал?... — прохрипел он.

Я смотрел на него и вдруг понял, что не испытываю ненависти. Только усталость.

— Я просто хочу спасти тех, кто не виноват, — сказал я.

И тогда с той стороны, куда убежали крестьяне, в лагерь вошёл полурослик.

Один.

Он шёл спокойно, будто земля под ним не трескалась минуту назад. На нём были хорошие доспехи. В руке — меч, от которого исходил жар. На правом глазу — повязка.

А в другой руке он держал небольшой тёмный камень, гладкий, как капля ночи.

Надзиратель сразу напрягся.

— Это ты... — выдохнул он. — Ты пришёл...

Полурослик посмотрел на меня, как на вещь.

— Это ты захватил лагерь “Смерть”? — спросил он.

Я хотел сказать что-то умное. Хотел спросить, кто он. Почему у него огненный меч, если Александр мёртв. Почему повязка.

Но вместо этого я только выдохнул:

— Да...

И мир пошёл в сторону.

Ноги стали ватными. Боль в груди вспыхнула, будто меня снова ударили троллем. Я сделал шаг... и провалился во тьму.

То, что было, пока я был пустотой

Я не видел. Но потом — уже позже — в голове остались обрывки. Как занозы.

Полурослик подошёл ко мне и долго разглядывал, будто выбирал, резать или оставить. Надзиратель, кашляя, попытался улыбнуться.

— Друг... спасибо, что пришёл...

Полурослик не улыбнулся.

— Я пришёл от Мэлвина. В лагере выла сирена. Мэлвин не любит сюрпризы. Что произошло?

Надзиратель торопливо заговорил — оправдываясь, как слуга.

— На лагерь напал этот рыцарь. Он уничтожил огненный отряд Александра, убил тролля, разбил мой меч и выжил после плана “Z”...

Полурослик поднял тёмный камень в руке.

— Из-за тебя, — сказал он холодно, — я лишусь Камня Забвения.

И коснулся камнем моего лба.

Я не кричал. Я был в отключке. Но внутри, глубоко, что-то оборвалось, как нить.

Камень потускнел... и рассыпался пеплом.

Полурослик выдохнул — раздражённо, будто потратил

дорогую монету.

— Ты говорил, лагерь неприступен, — продолжил он, обращаясь к Надзирателю. — А теперь я вижу тебя на земле, а у твоего горла — его меч.

Надзиратель замялся.

— Он... обманул меня...

Полурослик кивнул, будто услышал подтверждение тому, что уже решил.

— Я управляю западом. Ты должен управлять севером. Ты не справляешься.

Надзиратель открыл рот — и не нашёл слов.

— Значит, ты будешь казнён.

Он ударил быстро. Настолько быстро, что казалось: меч уже был в Надзирателе до удара.

Тот дёрнулся — и замер.

Полурослик посмотрел на меня, поднял меч... потом опустил.

— Пусть живёт, — сказал он сам себе. — Пусть думает, что победил. Так будет интереснее.

И ушёл, оставив мне чужую ложь вместо памяти.

Я очнулся спустя... не знаю сколько.

Надо мной было серое небо. Вокруг — тишина и развалины. Лагерь “Смерть” выглядел так, будто его разорвали изнутри: стены рухнули, вышки валялись, как сломанные кости.

Я сел и понял, что не помню половины того, что произошло.

Я помнил вход. Запах. Крики. Бой.

А дальше — пустота.

Я поднялся, шатаюсь, и увидел рядом труп Надзирателя.

Он был разрезан на куски. Мой меч лежал рядом, весь в крови.

Меня трясло.

— Это... я?.. — прошептал я.

Ответа не было.

Но внутри меня поднялось странное чувство — почти облегчение: если Надзиратель мёртв, значит, Кутёж не сожгут.

Я заставил себя думать о деле. Среди обломков у края круга стоял железный подъёмный механизм — лагерьный кран, которым поднимали клетки и таскали грузы. Я помнил, что искал его. Помнил цель, даже если не помнил путь.

Я отцепил тяжёлую рукоять, снял цепь, закрепил механизм на ремнях и потащил к выходу, как мог. Боль резала бок, но я шёл.

Когда я вышел из руин лагеря, ветер впервые за долгое время пах не гнилью, а просто сырой землёй.

Я повернул в сторону башни.

И пошёл домой.

Шестая глава

«Зов башни»

Я шёл к Кутежу не как герой и не как спаситель. Я шёл как человек, который выжил — и теперь тащит за собой железо, чужую кровь и собственную усталость.

Лагерь “Смерть” остался позади: развалины, вонючая пыль, горелые доски. Но запах не отпускал. Он въелся в доспехи, в ремни, в кожу. Казалось, даже дыхание стало пахнуть тем лагерем.

Рядом, на верёвках и цепях, волочился железный подъёмный механизм — лагерный кран. Я упрямо тянул его к деревне, потому что помнил цель. Помнил, что он нужен башне. Помнил это так ясно, будто кто-то вбил мысль в череп молотом.

А вот всё остальное... всё остальное вокруг этой мысли было туманом.

Иногда мне казалось, что я видел кого-то перед тем, как провалился в темноту. Чьё-то лицо. Повязку на глазу. Свет от меча — жаркий, как кузница. Я хватался за эти обрывки, как за нитки, но каждый раз они рвались.

Кутёж встретил меня так, как не должен встречать человек человека.

Ворота распахнулись, едва я показался на дороге. Крестьяне выбежали навстречу — кто босиком, кто в рваных

лаптях, кто с детьми на руках. Они улыбались. Они плакали. Некоторые падали на колени, будто перед святыней.

— Вернулись!.. Живой!.. — кто-то кричал, не веря себе.

Я поднял ладонь, пытаюсь остановить этот поток.

— Не сейчас. Потом... — выдохнул я. — Потом я зайду.

Мне надо домой.

“Домой” прозвучало странно. У меня не было дома. Был только тронный зал и каменные стены, которые называли меня повелителем, хотя я всё ещё не привыкал к этому слову.

У ворот я задержался на секунду. Внутри зудела тревога — тёмная, неприятная.

— Скажите... — я заставил голос звучать ровно. — Никто не проходил здесь, пока меня не было? Никакой... странный человек? Воин?

Крестьяне переглянулись. Улыбки чуть погасли.

— Нет, господин... — ответил один, постарше других. —

Но... был дым.

— Дым?

Меня кольнуло внутри.

Дым. Два часа. И пустота в голове.

— Понятно, — сказал я, хотя не понял ничего.

Я развернулся, потянул кран за собой и пошёл к телепортному узлу — к каменному кругу в стороне от дороги, где воздух всегда был холоднее, чем должен.

Сердце Башни отозвалось на шаг ещё до того, как я ступил в круг: где-то глубоко внутри меня дрогнул знакомый гул, и на мгновение мне показалось, что башня не ждёт — башня зовёт.

Я шагнул.

Мир сложился гармошкой, сжался в узкую точку — и раз-

вернулся обратно уже внутри камня.

Башня встретила меня пылью.

Пыль висела в воздухе светлыми полосами — как в старом доме, куда давно никто не заходил. Но под пылью чувствовалась жизнь: где-то скребли когти, где-то стучал металл, где-то далеко отдавалась тяжёлая работа.

Я вышел из телепорта — и увидел Гнарла.

Он стоял среди обвалившихся коридоров, окружённый слугами. Одни таскали камни, другие выносили мусор, третьи закрепляли подпорки. Башня, которую я оставил полуразрушенной, медленно собиралась обратно — как кость, которая срастается, если не мешать.

Гнарл заметил меня — и его единственный глаз сверкнул. — Господин! — он подошёл ближе, и даже его хриплый голос звучал радостно. — Вы вернулись. Мы... мы успели открыть один из старых проходов.

Он указал жезлом на лестницу вниз. Из-под камней торчала арка, украшенная потемневшими знаками.

— Арена, — сказал он с такой гордостью, будто выкопал клад. — Прошу... как будет время... посетите её.

Я кивнул, но мысли уже цеплялись за другое.

— Гнарл. У ворот Кутежа был дым. Чёрный. Держался два часа. Ты знаешь, что это было?

Гнарл замер так резко, будто по нему ударили.

Его когти сжались на посохе.

— Простите, господин... — прошипел он. — Я знаю. Но... лучше вам не знать. Не сейчас.

— Почему?

— Потому что имя иногда звучит громче меча, — глухо сказал он. — И потому что тот, кто ходит дымом... уничтожит вас в одно мгновение, если решит, что вы мешаете.

Я почувствовал, как внутри поднимается злость — не на него, на себя. На эту пустоту в голове.

— Уже решил, — сказал я. — Он уже был рядом. Он уже сделал со мной что-то. И я даже не помню его лица.

Гнарл смотрел на меня долго. Потом выдохнул — тяжело, будто выпускал из груди яд.

— Хорошо. Слушайте внимательно.

Он подошёл ближе и заговорил тише — так, чтобы даже стены не подслушали.

— Это не человек, господин. И не демон. Это полурослик. И он... предатель. Вернее — часть одной старой предательской цепи.

Я наклонил голову.

— Говори.

***** История Гнарла о предателе *****

— Всё началось во время того проклятого похода, — сказал Гнарл. — Когда отряд “Молния” пришёл в башню и утопил её в крови.

Я помнил это. Я уже слышал о “Молнии”. О семи, которые ворвались и сломали прошлую власть.

Но теперь Гнарл говорил иначе — не как летописец, как свидетель, которому до сих пор больно.

— Вы спрашивали, как они вошли так быстро, — продол-

жил он. — Как открылись ворота, которые держались веками. Как они нашли слабое место.

Он ударил посохом по камню — и пыль сыпанула вниз.

— У прошлого повелителя был шут. Виктор. Он смешил зал даже тогда, когда зал хотел резни. Он... делал так, что страх казался меньше.

Я напрягся. Имя Виктор уже было знакомым — в старых историях он звучал как нож в спину.

— Виктор был не один, — Гнарл прищурился. — У него был брат. Старший. Сильнее. И куда более опасный.

— Одноглазый? — вырвалось у меня само.

Гнарл вздрогнул.

— Да, — прошептал он. — Одноглазый. Рыцарь с огненным мечом. Гордыня, которая ходит по земле.

Я почувствовал, как складываются куски: повязка на глазу, жар от меча, обрывок памяти...

— Он дружил с Мэлвином, — продолжил Гнарл. — Слишком тесно. Слишком давно. И когда “Молния” решила ударить по башне... именно он уговорил Виктора открыть ворота. Уговорил, продавив самым простым: “Если ты не сможешь — я погибну. И ты тоже”.

Гнарл скривился, будто проглотил металл.

— Виктор выбрал брата. И открыл.

— Значит... Виктор сейчас с Мэлвином?

— Да, — кивнул Гнарл. — Виктор стал его правой рукой. Предатель живёт среди людей, носит улыбки и шутки, а пальцы у него всё равно в крови.

Я сжал кулаки.

— Но дым у ворот... это был не Виктор.

— Нет, — прошептал Гнарл. — Это был Одноглазый.

Меня пробрало холодом.

— Тогда скажи мне: как он... как он отключил меня? Я ведь видел его. Я уверен.

Гнарл отвёл взгляд.

— Камень Забвения, — сказал он. — Одноразовый. Редкий. Он разрушился при применении. Но память вырвал — как зуб.

Я вдохнул — и воздух в башне показался слишком сухим.

— И он мог убить меня, — тихо сказал я. — Но не убил.

Гнарл медленно кивнул.

— Именно это меня пугает.

Мы молчали. Башня шумела вокруг — скрипела, копала, жила.

А потом я сказал:

— Хорошо. В следующий раз я не позволю ему исчезнуть дымом. Я догоню. И узнаю, зачем он оставил меня живым.

Гнарл кивнул, но в его глазу было не согласие — тревога.

— Тогда вам нужна сила. И... память мышц.

Он взглянул на лестницу вниз.

— Арена.

Я спустился в катакомбы один.

С каждым шагом вниз воздух становился холоднее, как вода в колодце. Камень под ногами был гладкий — будто по нему ходили веками. И чем ниже я опускался, тем сильнее чувствовал: башня действительно зовёт.

Не словами.

Гулом.

Я вошёл в огромный зал — и остановился.

Арена была больше, чем я ожидал. По краям поднимались трибуны — каменные, тёмные, выеденные временем. На них были места... для моих слуг. Для тех, кого я ещё не видел. Для тех, кого башня помнит лучше меня.

В центре стоял камень. Тот самый таинственный камень, о котором говорил Гнарл: гладкий, чёрный, будто ночь в форме алтаря.

Я подошёл.

И камень заговорил.

Голос был грубый, металлический — словно говорила не сущность, а механизм.

— Приветствую на арене. Новая единица зафиксирована. Назовите имя для идентификации.

Я замер.

Имя.

Я мог сказать: “Николаус”. Я мог сказать: “повелитель”. Но в горле вдруг встал другой звук — старый, чужой, из другого мира.

— Двести шестьдесят первый, — сказал я. И тут же поправился: — Я... рыцарь.

Камень помолчал долю секунды.

— Идентификатор принят: 261. Добро пожаловать. Выберите противника. Победа фиксируется только после устранения цели.

По коже прошла дрожь. “Идентификатор”. Как в проекте. Как на табло. Как будто номер преследует меня не по миру — по судьбе.

Перед глазами вспыхнул список — будто высеченный светом на воздухе:

Надзиратель.

Отряд “Мародёра”.

Огненный отряд Александра.

Лотус-Фиготус.

Я усмехнулся — горько.

Башня предлагала мне не тренировку. Башня предлагала

мне пережить всё заново. Переварить. Принять.

Я вдохнул.

— Мой первый противник... отряд “Мародёра”.

Камень ушёл вниз, как будто провалился в землю.

И тишина сменилась шагами.

Значок первый: “Мародёры”

Трое полуросликов возникли впереди — не вышли, не вошли. Просто появились, будто их выдернули из воспоминания.

Я узнал их сразу: короткие мечи, наглые лица, привычка стоять так, будто хозяева мира.

— О! Какие люди... рыцарь! — крикнул один, ухмыляясь.

Они говорили — и в словах было слишком много живого.

Не куклы. Не тени. Почти настоящие.

— Вы же мёртвые, — сказал я глухо.

— А ты живой, — засмеялся главарь. — Исправим.

Они рванулись.

Я принял двух на меч — металл звякнул, искры брызнули. Но третий ушёл мне за спину и воткнул клинок между пластин. Острая боль прожгла поясницу. Я пошатнулся, опустился на колено.

И в этот миг мне стало ясно: арена не щадит. Это не сон. Это удар по телу, по рефлексам, по страху.

Полурослики подошли ближе — добивать.

Я собрал остатки сил и рванулся вперёд всем телом, как тараном. Сбил одного, ударил гардой второго, третьего ткнул клинком в горло.

Минуты потекли густо, как кровь.

Когда последний упал, камень в центре снова поднялся.

— Победа зафиксирована. 261 получает первый значок “Зла”. Продолжить?

Передо мной вспыхнула эмблема — золотая рамка, внутри три маленькие фигуры, внизу надпись: Отряд “Мародёра”.

Я протянул руку — значок обжёг пальцы и растворился, уходя в систему. В списке напротив “Мародёра” остался слабый свет.

Сохраняется... значит, накапливается.

И башня, как будто читая мысль, дала мне обещание — без слов: дойди до конца, получишь оружие.

Я сглотнул.

— Лотус-Фиготус.

Значок второй: “Лотус-Фиготус”

Впереди появился горшок. В горшке — маленький цветок. Невинный на вид.

И он запел.

Сладко. Нежно. Так, что у человека должны были закрыться глаза. Но я уже слышал эту мелодию в мире людей. И знал, что за ней идёт.

Я сделал шаг — песня стелилась по камню, как туман.
Ещё шаг — и ничего.

На меня она не действовала.

Я наклонился, взял горшок двумя руками и раздавил его
о землю. Цветок хрустнул — как кость.

Голос арены прозвучал ровно:

— Победа зафиксирована. 261 получает второй значок
“Зла”. Продолжить?

Значок вспыхнул — рамка, цветок, надпись: Лотус-Фиго-
тус.

Он исчез так же, как первый.

Я поднял взгляд на список.

Оставалось два имени.

И одно из них пахло огнём.

— Огненный отряд Александра.

Значок третий: “Огненный отряд Александра”

Камень снова ушёл вниз.

И воздух впереди дрогнул — как над костром.

Появились они: несколько фигур, а среди них — Алек-
сандр. Даже в тени арены от него шёл жар, будто он носил
внутри печь.

— Хм... и где это мы, Саша? — спросил один из его людей.

Александр смотрел на меня — долго, оценивающе.

— Пока не знаю, — ответил он. — Но вижу врага.

— Вы на моей арене, — сказал я. — И вы умрёте.

Александр усмехнулся.

— Жаль. Всё будет по-другому.

Они пошли в атаку.

Я держал удар за ударом, отсекал, бил, отходил, снова бил.

Их было много — но они были хуже организованы, чем полурослики у ворот лагеря. Им мешала самоуверенность.

Я почти победил, когда понял, что Александр пропал из

поля зрения.

И в спину ударило пламя.

Огненный шар разорвал воздух, швырнул меня в стену. Я ударился о камень и сплюнул кровью.

Но когда я поднялся — его отряд уже лежал.

Остался только он.

Я бросился и вцепился в шанс — выбил баланс, сбил его на колено, прижал мечом к горлу.

— Скажи мне про полурослика... брата Виктора, — процедил я.

Александр замер. Затем его глаза расширились.

— Что? Ты знаешь Одноглазого?

Имя ударило по нервам.

— Нет... — сказал я. — Но теперь знаю.

Александр засмеялся — хрипло.

— Ты даже не понимаешь, кого злишь.

— Кто он?

— Тебе не жить, если перейдёшь ему дорогу, тварь, — прошипел Александр и плюнул мне в лицо.

Я вытер слюну рукавом.

— Посмотрим.

И добил его.

Камень поднялся.

— Победа зафиксирована. 261 получает третий значок “Зла”. Продолжить?

Значок вспыхнул: Огненный отряд Александра.

Три собраны.

Остался последний.

И самый личный.

— Надзиратель.

Значок четвёртый: “Надзиратель”

Он появился не как остальные.

Не сразу.

Сначала воздух потемнел, как будто кто-то накинул на арену грязный мешок.

Потом шаги — мягкие, тяжёлые.

И он вышел.

Надзиратель лагеря “Смерть” улыбался так широко, будто арена была праздником.

— Рад, что судьба дала мне шанс поквитаться с тобой, — сказал он. — Из-за тебя меня убил мой друг...

Меня передёрнуло.

— Пстой, — сказал я быстро. — Я знаю про Одноглазого.

Надзиратель дёрнул бровью.

— Откуда?

— Александр сказал. Но я не понимаю... почему ты так его уважаешь? Он такой же полурослик, как ты.

Надзиратель усмехнулся — и пошёл на меня без оружия.

— Он не простой, — сказал он. — У него козыри в рукавах. Он может в одиночку уничтожить весь мир.

Я сделал выпад — и понял, что медленнее.

Слишком медленнее.

Надзиратель ослепительно быстро бросил мне в лицо пыль — и выбил меч из рук. Я отлетел в сторону, ударился плечом о камень.

Он поднял мой меч.

— Наконец-то с оружием. Я верну тебе должок.

Я попытался подняться, но он уже бил — кулаком, ногой, по рёбрам, по животу. Мой мир сузился до боли и звона.

Когда он устал, я рванулся к мечу, схватил — и кинул, как копьё.

Промах.

Он поймал меч в воздухе.

— Старайся лучше... — сказал он.

И в этот миг я прыгнул.

Не красиво. Не героически. Как зверь.

Лезвие вошло ему в грудь.

Надзиратель вскрикнул и рухнул.

Камень поднялся в последний раз.

— Победа зафиксирована. 261 получает четвёртый значок “Зла”. Противники исчерпаны. Вы можете покинуть арену.

Значок вспыхнул — и исчез в списке, как остальные.

Я сел на камень арены и долго дышал, глядя в пустоту.

Четыре победы.

Четыре печати.

И ни одной настоящей памяти о том, что произошло тогда — у лагеря, в дыму.

Я поднялся и пошёл обратно наверх.

Потому что башня звала дальше.

И потому что где-то там, за её стенами, Одноглазый уже мог знать: я произнёс его имя — и не умер.

Пока.

Седьмая глава

«Деревня Кутеж и восток»

Я вышел из тронного зала и на секунду задержался у каменного проёма телепорта. Башня ещё дышала пылью и свежей работой: где-то скребли когти слуг, где-то глухо падал камень, где-то стонала балка, вставая на место. Сердце Башни — то живое чёрное ядро — било ровно, как будто отсчитывало мне время.

Но меня тянуло наружу.

Я слишком многое не знал. Слишком многое не помнил. И один вопрос жёг сильнее остальных: кто был тот “дым” у ворот Кутежа и почему от него в моей голове осталось только пустое место.

Я шагнул в круг — и мир моргнул.

Через час дороги я снова увидел деревню: знакомые деревянные стены, ров с мутной водой и ворота, у которых всегда пахло сыростью и страхом. Только теперь у ворот стояла толпа — не с луками, как в первый раз, а с руками, поднятыми вверх.

— Он пришёл! Он вернулся! — кричали люди так, будто кричать — единственный способ убедить себя, что это правда.

Я остановился в десяти шагах. Не потому что испугался. Потому что... не знал, как принимать чужую радость, если внутри всё ещё пахнет лагерем “Смерть”.

— Спасибо вам! — вопили крестьяне. — Спасибо, что вернули наших домой! Вы наш герой!

Слово герой ударило в уши неприятным звоном.

— Я благодарен за ваши слова, — сказал я громче, чтобы перекрыть шум. — Но вы обещали мне не благодарности. Вы обещали информацию.

Толпа чуть стихла. Один мужчина, тот самый, что когда-то открывал мне ворота и дрожал так, будто держал не лук, а приговор, торопливо кивнул:

— Конечно, конечно! Открывайте ворота! Север безопасен. Пусть рыцарь поговорит с нашим главой — с Кириллом!

Ворота распахнулись, и я впервые увидел Кутёж не как крепость, а как дом: люди ходили с вёдрами, чинили крыши, ругались у колодца, дети носились между сараями. Всё было “нормально”... если не считать одной детали — едой здесь не пахло. Пахло перегоревшим маслом, кислой брагой и пустыми котлами.

Справа от меня, у забора, собралась группа мужчин. Они яростно спорили с пожилым стариком — седым, сухим, с лицом, которое словно привыкло принимать удары. Старик держался ровно, но его пальцы дрожали, когда он опирался на палку.

— Хватит кормить нас обещаниями! — рычал один из крестьян. — В этом месяце еды снова не будет! Сколько нам терпеть это безумие?!

Старик прищурился:

— Может, ты хочешь выйти против Мэлвина Толстопуза?

— Ты наш глава, Кирилл! — выкрикнул тот же мужчина, и толпа загудела. — В деревне нет еды! Мы не можем жить одной выпивкой! Реши проблему — или мы скинем тебя и выберем нового!

Кто-то засмеялся — злым, усталым смехом. Кто-то плюнул в землю.

Кирилл выдохнул, будто ему пришлось проглотить чужую

гордость.

— Я пытаюсь удержать нас живыми, — сказал он. — Если бы появился герой, который пойдёт против Мэлвина... тогда нам не пришлось бы пить, чтобы забывать, что мы голодны.

— Герой? — мужчина фыркнул. — Ты всё ещё веришь в сказки? Никто не придёт, старик!

Толпа уже начинала смеяться — и тут к Кириллу подбежал запыхавшийся парень.

— Кирилл! Там... рыцарь! Тот самый! Он освободил людей из лагеря “Смерть”. Он здесь!

Смех оборвался, как перерезанная нитка.

Кирилл медленно поднял голову и громко сказал:

— Зови его сюда. Пусть все увидят героя.

Я не стал ждать, пока меня “позовут”. Я просто вышел вперёд.

Сначала меня заметили двое. Потом — все.

Тишина прокатилась по двору, и в этой тишине я слышал, как скрипит кожа на моих ремнях.

Кирилл посмотрел на меня внимательно и представился:

— Я главный в деревне Кутёж. Меня зовут Кирилл.

Я сжал его ладонь.

— Зовите меня... 261.

— Ты кто ещё такой? — буркнул бунтарь из толпы, не желая отпускать злость.

— Тот, кто уничтожил лагерь “Смерть” и вывел ваших людей, — ответил я.

Мужчина замер, будто его ударили.

— Значит... это правда... — прошептал кто-то.

Кирилл улыбнулся и поднял руки:

— Вот кто вернёт нам еду! Наш великий герой!

Толпа взревела от счастья так быстро, будто минуту назад не собиралась свергать этого старика.

Я открыл рот, чтобы сказать: “Я не обещал”, — но закрыл.

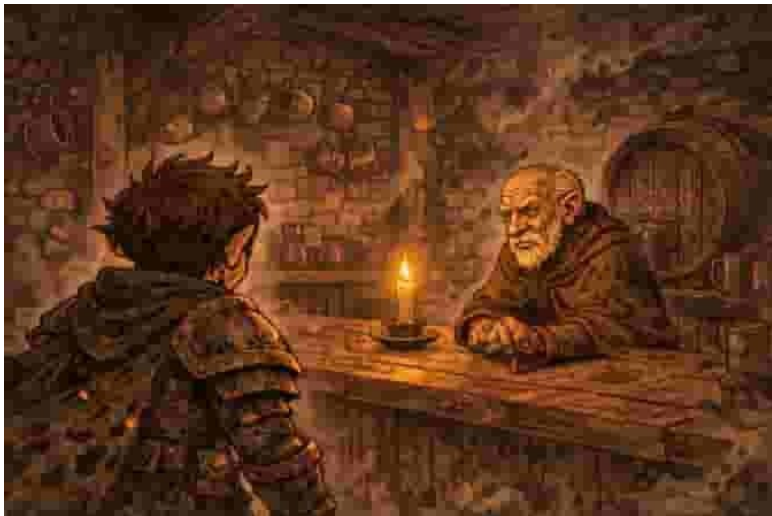
Иногда людям нужна не правда. Иногда им нужна опора.

Кирилл наклонился ко мне и тихо предложил:

— Пойдём в бар. Там спокойнее. И если ты хочешь информацию — получишь её без крика.

Я согласился.

Бар был низкий, тёмный, пахнувший кислой выпивкой и копчёной пустотой. На стенах висели старые кружки, будто трофеи бедности. За стойкой стояла бочка — не для красоты, а потому что в бочке здесь больше смысла, чем в хлебнице.

Кирилл уселся напротив и посмотрел прямо.

— За спасение наших... какую информацию ты хотел?

— Мне нужно знать, что вокруг деревни, — сказал я. —

Запад. Юг. Восток. И... да, нужна работа. Но не за деньги.

Кирилл хмыкнул.

— Ха. Ты мне нравишься. Хорошо. Коротко и по делу.

Он поднял палец.

— Север — это был лагерь “Смерть”. Ты его уничтожил, и север стал... хотя бы на время... свободным.

Второй палец.

— Запад. Там две беды. Первая — древний эльфийский лес. Когда-то он был живым. Потом кто-то вырезал эльфов — до последнего — и лес стал чужим. Там теперь чудовища. Я не хожу туда и другим не советую.

Третий палец.

— Вторая беда Запада — кузница на холме, примерно в километре отсюда. Там куют оружие полурослики. Их патруль ходит рядом, и каждый, кто приближался, либо исчезал, либо возвращался без языка. Говорят... — Кирилл понизил голос, — что рядом крутится Одноглазый. Не всегда. Но достаточно, чтобы это место стало проклятым.

Я напрягся.

— Одноглазый... живёт там?

— Я не знаю, “живёт” ли он, — Кирилл криво усмехнулся. — Такие не живут, они ходят. Но да, его видели возле кузницы.

Он выдохнул и поднял четвёртый палец.

— Юг. Там замок. Старый, средневековый, пустой... но не пустой. Ночью оттуда слышны крики. Иногда — смех. Иногда — шаги. Считай, что там живут привидения. Или что-то хуже.

Пятый палец.

— Восток. Восток я ненавижу больше всего. Потому что там, в холмах, в норе, сидит Мэлвин Толстопуз. Туда уходит наша еда. Всё зерно, всё мясо, всё... что остаётся.

Он наклонился ко мне ближе.

— И ещё: через три дня у Мэлвина будет пир. Большая вечеринка. Туда потащат ещё больше провизии. Если ты хочешь ударить — это шанс. А моя “работа” для тебя простая: верни еду деревне.

Кирилл откинулся назад.

— Заплачу тысячу монет. Ну что?

Я покачал головой.

— Не деньги. Ты дашь мне больше информации — про юг и про запад — если я верну еду и доберусь до Мэлвина.

Кирилл усмехнулся:

— С тобой приятно иметь дело. Договорились.

Я встал.

— Тогда я иду на восток.

У восточных ворот было тихо. Странно тихо — как перед ударом.

Один крестьянин медленно открыл створку, будто выпус-

кал меня не на дорогу, а в пасть зверя. Остальные стояли рядом с луками и смотрели вдаль так, будто ждали, что из холмов выкатится смерть.

Меня буквально вытолкнули наружу и тут же закрыли ворота.

С той стороны я услышал:

— Удачи...

И в этом слове было всё: страх, надежда, вина.

Дорога пошла вокруг холмов. Я шагал быстро, не давая себе думать лишнее. Время было важно: три дня до пира — это много только на словах.

Через час я вышел к КПП полуросликов.

Невысокий частокол, ворота, и за ними — странный шорох, как будто кто-то тёр камень о камень. Я прошёл внутрь — и сразу увидел причину.

В центре площадки стоял артефакт: тёмный, низкий, с кругом рун по краю. Вокруг него... воздух дрожал иначе. Пылинки падали слишком медленно. Дым от костра тянулся вверх ленивой лентой, словно миру здесь было лень двигаться.

Вокруг артефакта стояли полурослики в чёрных плащах. Их лица были закрыты тканью, но глаза блестели влажным голодом.

Один повернулся ко мне:

— Смотрите, кто пожаловал.

Другой усмехнулся:

— Это тот ржавый рыцарь, про которого болтают в Кутеже. Говорят, он “захватил” лагерь “Смерть”.

Третий шагнул ближе.

— Мы — культ “Кровь”.

— И что это значит? — спросил я, не опуская руку с меча.

— Мы уничтожаем врагов, — ответил он спокойно. — А потом едим то, что остаётся. Чтобы сила не уходила в землю.

От его слов во рту стало сухо.

Я посмотрел на артефакт.

Руны на нём были слишком похожи на башенные. Слишком знакомая геометрия, будто это не местная поделка, а кусок чужой системы, поставленный здесь.

— Я заберу артефакт, — сказал я. — Он не должен стоять у вас.

Они рассмеялись.

И пошли на меня.

Их было двадцать: мечники, камнемёты, копейщики. Они действовали грубо, но уверенно — как стая, которая слишком давно режет одиночек.

Я приказал слугам держаться дальше от копий. Те рассыпались по краям, словно тени, выжидая момент. Я же встретил первый удар мечом — и ответил огнём.

Камни полетели в меня первыми, я ушёл в сторону, почувствовал, как один валун прошёл рядом с шлемом и сшиб кусок земли. Мечники прыгнули следом — и тут мой клинок нашёл плоть.

Когда первый полурослик упал, над телом поднялась жёлтая сфера. Вторая. Третья.

Броня потянула их в себя без спроса — как голодный рот. За моей спиной появлялись новые тени.

Бой длился долго ровно настолько, чтобы мне стало противно. Потом — закончился быстро: последние копейщики побежали, но слуги догнали их в траве и порвали, как тряпки.

Я вытер клинок и подошёл к артефакту.

Он был холодный, но внутри ощущалась тяжесть — как спящий механизм. Я коснулся руны, и мир на мгновение задержал дыхание. Шорох листа стал длиннее. Капля крови на моём пальце потекла медленнее.

— Вот ты какой, — прошептал я.
Я снял артефакт с постамента и приказал:
— Несите это в башню. И всё оружие тоже. Быстро.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.